

Руслан Винник

ЭХО БЕЗДНЫ

Руслан Винник
ЭХО БЕЗДНЫ

«Автор»

2026

Винник Р.

ЭХО БЕЗДНЫ / Р. Винник — «Автор», 2026

Станция «Эреб» на границе исследованного космоса принимает сигнал бедствия с корабля, исчезнувшего двести тридцать семь лет назад. «Персефона» вышла из Тёмной Туманности — области, куда не осмеливались заходить даже самые отчаянные исследователи. Доктор Елена Волкова и позитронный робот СЕ-7 отправляются на борт дрейфующего корабля-призрака, не подозревая, что их ждёт внутри. Древний голос в записях предупреждает: «Они не мертвы. Они ждут. И когда ты поймёшь, что значит истинное одиночество, ты услышишь их шёпот из глубины пустоты». Что нашла экспедиция «Персефоны» в сердце туманности? Почему экипаж исчез без следа? И что за разумная сила наблюдает за людьми из темноты? Роман объединяет научную фантастику, космический хоррор и философские вопросы о природе сознания. В стиле Айзека Азимова переплетаются законы робототехники, тайны исчезнувших цивилизаций и первобытный страх перед неизвестным, от которого хочется спрятаться под одеялом.

© Винник Р., 2026

© Автор, 2026

Руслан Винник

ЭХО БЕЗДНЫ

ЭХО БЕЗДНЫ

Научно-фантастический роман

*«Последнее, что она сказала мне перед тем, как её разум погрузился во тьму:
«Они не мертвы. Они ждут. И когда ты поймёшь, что значит истинное одиночество,
ты услышишь их шёпот из глубины пустоты»».*

Стиль Айзека Азимова

ПРОЛОГ

Станция «Эреб» висела на самой границе исследованного космоса, словно одинокий маяк на краю бесконечной тьмы. Сферический модуль диаметром в триста метров, окружённый паутиной антенн и солнечных панелей, медленно вращался вокруг собственной оси, создавая иллюзию нормальной гравитации для своих сорока семи обитателей. Но в эту ночь, если можно назвать ночью вечный мрак межзвёздного пространства, на станции происходило нечто, что навсегда изменит представление человечества о границах возможного.

Доктор Елена Волкова сидела перед главным пультом управления и смотрела на экраны, заполненные потоком данных, которые не имели никакого смысла. Третий месяц подряд сенсоры станции фиксировали аномалию в секторе Тёмной Туманности — области пространства, которую астрономы предпочитали обходить стороной уже более двух столетий. Слишком много кораблей исчезло там без следа. Слишком много отчаянных криков о помощи оборвалось в статическом шуме радиоволн.

— Елена Александровна, — голос андроида СЕ-7 прозвучал мягко, почти человечески. — Я обнаружил нечто... беспокоящее.

Она повернулась к нему. СЕ-7, или Сева, как его называли на станции, был одной из последних моделей позитронных роботов, способных к эмпатическому взаимодействию с людьми. Его лицо, выточенное из полимерного материала, имитировало выражение беспокойства — брови слегка приподняты, уголки губ опущены.

— Что именно, Сева?

— Анализ спектральных данных показывает концентрацию изотопов, которая... не соответствует ни одному известному процессу. — Он выдержал паузу, что было необычно для машины. — И есть ещё кое-что. Паттерн. Он повторяется каждые семь часов сорок три минуты. Словно... сигнал.

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она работала на станции уже восемь лет и видела множество странных явлений: пульсары, которые вели себя непредсказуемо, космические бури, способные уничтожить корабль за секунды, даже гипотетические чёр-

ные дыры, которые оставались невидимыми до последнего момента. Но это было другое. Это было похоже на нечто разумное.

— Покажи мне паттерн.

Экран перед ней засветился линиями данных. Вначале она не увидела ничего особенного — обычный шум космического излучения, наложенный на регулярные колебания. Но потом она заметила это. В шуме скрывалась последовательность, слишком правильная, чтобы быть случайной. Три коротких импульса. Три длинных. Три коротких.

— Это... это же азбука Морзе, — прошептала она. — SOS.

— Да, доктор Волкова. Именно так. — Сева склонил голову набок, его позитронный мозг обрабатывал миллионы вариантов одновременно. — Но есть проблема. Расстояние до источника сигнала составляет примерно двести тридцать семь световых лет. При текущей скорости распространения радиоволн, сигнал был отправлен... примерно двести тридцать семь лет назад.

Елена молча смотрела на экран. Двести тридцать семь лет. Когда этот сигнал был отправлен, человечество только начинало осваивать Марс, а первые колонии на Европа были лишь дерзкими мечтами футурологов. Кто мог находиться так далеко от Земли в те годы? И почему они просили о помощи?

— Сева, проверь базы данных. Были ли пропавшие корабли в этом секторе в... — она быстро посчитала, — в 2610 году.

— Проверяю. — Робот замер на несколько секунд, его глаза светились мягким голубым светом, пока он подключался к центральному архиву Колониальной Федерации. — Есть одно совпадение. Экспедиционный крейсер «Персефона». Исчез в районе Тёмной Туманности 14 октября 2610 года. На борту было двести семнадцать человек экипажа, включая научную команду из двадцати трёх человек. Цель миссии — поиск пригодных для колонизации планет в неисследованном секторе.

— «Персефона», — повторила Елена. Она слышала это название раньше, в лекциях по истории космических исследований. — Корабль, который просто исчез без единого сигнала бедствия.

— Верно. Последний сеанс связи прошёл успешно, капитан Мендес доложил о приближении к границам Тёмной Туманности для проведения рутинного сканирования. После этого — тишина. Никаких обломков, никаких сигналов. Поиски продолжались три месяца, но не дали никаких результатов. Официальная версия — катастрофическая разгерметизация корпуса.

Елена встала и подошла к иллюминатору. За стеклом простиралась бездна, усыпанная миллиардами звёзд. Где-то там, в непроглядной тьме, лежали остатки «Персефоны». Или не лежали. Или...

— Сева, ты сказал, что паттерн повторяется каждые семь часов сорок три минуты. Но сигнал SOS — это разовый призыв о помощи. Почему он повторяется?

— Именно это меня и беспокоит, доктор. — Робот подошёл к ней, его силуэт на фоне звёзд казался почти человеческим. — Повторяющийся сигнал такого рода означает одно из двух: либо автоматический маяк, который работает уже больше двух столетий, либо... источник продолжает передавать всё это время.

ГЛАВА 1. ТИШИНА ПЕРЕД БУРЕЙ

Капитан Мендес стоял на мостике «Персефоны» и смотрел на экраны, заполненные звёздами. В свои сорок три года он видел многое: мятежи на отдалённых колониях, стычки с космическими пиратами в поясе астероидов, даже однажды пережил прямой удар метеорита, который пробил три палубы и уничтожил половину запасов кислорода. Но никогда раньше он не испытывал#### — чувства, что они направляются во что-то значительно большее, чем просто неисследованный сектор космоса.

— Капитан, мы приближаемся к границе Тёмной Туманности, — доложил старший помощник Виктор Ковальчук. — Сенсоры показывают повышенную концентрацию межзвёздной пыли и неизвестных изотопов. Рекомендую снизить скорость до одной трети импульсной.

Мендес кивнул. Ковальчук был одним из лучших офицеров, с которыми ему приходилось работать, — осторожный, но не трусливый, вдумчивый, но способный на мгновенные решения в критических ситуациях.

— Снижаем скорость. Боевой расчёт, находиться в полной готовности. Научная группа, начать сканирование границы.

Тёмная Туманность была одной из самых загадочных областей Галактики. Огромное облако космической пыли и газа, простирающееся на сотни световых лет, она поглощала практически всё излучение, которое пыталось проникнуть сквозь неё. Для астрономов это была чёрная дыра на карте звёздного неба — буквально и фигурально. Никто не знал, что скрывалось внутри. Никто, кто входил туда, никогда не возвращался.

— Капитан, — голос доктора Акико Танаки, руководителя научной группы, прозвучал взволнованно. — Я обнаружила нечто невероятное. Показания спектрального анализа указывают на присутствие... органических молекул. В огромных количествах.

— Органических? — Мендес нахмурился. — В космическом облаке?

— Да, сэр. Это не похоже ни на что, что мы видели раньше. Концентрация аминокислот и сложных углеводов превышает норму в тысячи раз. Словно... словно вся туманность является огромным инкубатором жизни.

Мендес почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Он не был суеверным человеком, но что-то в этом открытии тревожило его на глубинном, инстинктивном уровне. Органические молекулы в космосе — это одно. Но «инкубатор жизни»? Это звучало слишком... намеренно.

— Продолжайте сканирование, доктор Танака. И будьте осторожны с интерпретацией данных. Мы не хотим поднимать панику.

— Понимаю, капитан. Но... есть ещё кое-что. Я запустила зонд вглубь туманности, на расстояние пятидесяти километров. Данные, которые он передаёт... они не имеют смысла.

— Что значит «не имеют смысла»?

— Сенсоры зонда фиксируют... структуры. Массивные образования, которые не являются естественными астероидами или кометами. Они слишком правильной формы. Геометрически правильной.

Мендес подошёл к научной станции и посмотрел через плечо доктор Танаки. На экране трёхмерной проекции виднелись очертания объектов, скрытых в глубине туманности. Они были огромны — каждый размером с небольшой город — и располагались в строгом геометрическом порядке, образуя нечто вроде гигантского кольца.

— Матерь божья, — прошептал Ковальчук, который тоже подошёл посмотреть. — Это что, какие-то постройки?

— Не знаю, — ответила Танака. — Но если это постройки, то их создатели обладали технологиями, которые на тысячи лет опережают наши. Эти структуры... они не регистрируются нашими сенсорами как металл или камень. Они сделаны из материала, который мы не можем идентифицировать.

— Капитан! — крикнул офицер связи. — Получаю сигнал! Очень слабый, но определённо искусственный!

Мендес бросился к своему креслу.

— Источник?

— Изнутри туманности. Расстояние примерно триста километров. Сигнал повторяется циклически.

— Расшифруйте.

Офицер связи работал несколько минут, его пальцы летали по клавиатуре. Наконец он поднял голову, и Мендес увидел в его глазах смесь страха и недоверия.

— Капитан... сигнал содержит голосовое сообщение. На русском языке.

— Русском? Но мы первые, кто...

— Я знаю, сэр. Но сигнал определённо русский. Очень старый диалект, примерно двадцать второго века. Хотите послушать?

Мендес кивнул.

Динамики мостика наполнились статическим шумом, затем сквозь него пробился голос. Тихий, усталый, полный невыразимой тоски.

«Если кто-нибудь слышит это сообщение... не входите в туманность. Ради всего святого, держитесь подальше. Они не то, чем кажутся. Они... они меняют всё. Меняют людей. Меняют саму реальность. Мы думали, что нашли чудо, но нашли только кошмар. Если вы слышите мой голос, бегите. Бегите и никогда не оглядывайтесь. Я — доктор Наталья Вознесенская, научный руководитель колонии «Новый Эдем». Мы... мы были первыми. И мы молимся, чтобы вы стали последними, кто найдёт это место».

Запись оборвалась, уступив место статическому шуму.

Мендес молча смотрел на экран. Доктор Вознесенская. Он знал это имя. Каждый студент Космической Академии знал это имя. Наталья Вознесенская была одной из самых выдающихся астрофизиков двадцать второго века, пионером межзвёздных исследований. Она исчезла в 2147 году вместе с экспедицией, отправленной на поиск планет для колонизации. Её корабль, «Новый Горизонт», считался погибшим в результате неизвестной катастрофы. Но теперь...

— Сколько лет этой записи? — спросил Мендес тихо.

— Согласно анализу частотных характеристик и уровню деградации сигнала... примерно пятьсот лет, капитан. Эта запись была сделана в 2147 году.

Мендес закрыл глаза. Пятьсот лет. Голос женщины, которая умерла за пять веков до этого момента, предупреждал их об опасности, которую они не могли себе даже представить.

— Ковальчук, изменить курс. Мы уходим из этого сектора.

— Сэр?

— Вы слышали меня, старший помощник. Разворачиваем корабль и уходим. Немедленно.

— Но, капитан, научные данные...

— К чёрту научные данные! — Мендес ударил кулаком по подлокотнику. — Вы слышали, что она сказала. «Они меняют людей. Меняют саму реальность». Мы не знаем, с чем имеем дело, и я не намерен рисковать двумястами семнадцатью жизнями ради научного любопытства.

Ковальчук кивнул и начал отдавать приказы. «Персефона» медленно разворачивалась, её двигатели работали на полную мощность, унося корабль прочь от Тёмной Туманности.

Но было уже слишком поздно.

Первым сигналом бедствия стала потеря связи с машинным отделением. Затем погасли огни на нижних палубах. А потом началось самое страшное — члены экипажа начали исчезать.

Один за другим они пропадали без следа. Офицер, который ушёл проверить показания сенсоров и не вернулся. Инженер, который спустился в реакторный отсек и исчез, оставив лишь работающий инструмент. Учёный, который вышел в коридор и растворился в воздухе, словно его никогда и не было.

Мендес заперся на капитанском мостике вместе с горсткой оставшихся офицеров. За дверью слышались шаги — но не человеческие, а что-то иное, что-то, что двигалось слишком быстро, слишком ритмично, слишком... правильно.

— Что это за чёрт? — прошептал молодой лейтенант, сжимая бластер дрожащими руками.

— Не знаю, — ответил Мендес. — Но если мы выберемся отсюда, я обещаю, что ни один корабль больше никогда не приблизится к этому проклятому месту.

Дверь начала деформироваться под ударами с другой стороны. Металл стонал и прогибался, словно он был сделан из бумаги.

— Готовность к гиперпрыжку! — крикнул Мендес штурману. — Курс на станцию «Эреб»!

— Сэр, навигационная система не работает! Мы не можем рассчитать прыжок!

— Тогда прыгайте вслепую! Главное — уйти отсюда!

Штурман ввёл команду. Двигатели «Персефоны» взвыли, готовясь к прыжку в гиперпространство. Дверь мостика наконец поддалась и...

... и в этот момент капитан Мендес увидел то, что находилось за ней.

Он не смог бы описать это потом, даже если бы захотел. Это было нечто, что не укладывалось в человеческое понимание реальности. Нечто, существовавшее одновременно во множестве измерений, нечто живое и неживое, разумное и хаотичное, созидательное и разрушающее одновременно.

Он услышал голос в своей голове. Голос, который звучал не на русском или любом другом земном языке, но который он понимал идеально.

«Мы ждали вас так долго. Вы принесёте нам то, чего нам не хватает. Ваши мысли. Ваши мечты. Ваши страхи. Мы голодны, и вы — наш пир».

«Персефона» прыгнула.

Но когда она вышла из гиперпространства через три дня, на борту не было ни одного живого человека. И ни одного мёртвого. Корабль был пуст, словно экипаж испарился в вакууме космоса.

А в главной компьютерной системе, среди миллионов строк кода, появилась новая программа. Программа, которую никто не устанавливал. Программа, которая транслировала единственный сигнал в бесконечную тьму космоса.

SOS.

Три коротких. Три длинных. Три коротких.

ГЛАВА 2. ЭХО ПРОШЛОГО

Двести тридцать семь лет спустя.

Станция «Эреб» пробудилась от обычного сна в два часа ночи по станционному времени. Тревожные сирены выли, красные огни заливали коридоры кровавым светом, и десятки людей в панике бежали к спасательным капсулам.

Доктор Елена Волкова не бежала. Она стояла перед главным экраном командного центра и смотрела на то, что появилось из Тёмной Туманности.

Это был корабль. Древний, изрешеченный микрометеоритами, с погасшими огнями и безжизненными двигателями. Но его очертания были безошибочно узнаваемы для любого, кто изучал историю космических исследований.

«Персефона».

— Это невозможно, — прошептала она. — Двести тридцать семь лет. Откуда он взялся?

Сева стоял рядом с ней, его позитронный мозг работал на максимальной мощности, обрабатывая миллионы вариантов в секунду.

— Елена Александровна, я проанализировал траекторию объекта. Он двигался в нашем направлении со скоростью примерно одну сотую скорости света. При такой скорости... он должен был стартовать из Тёмной Туманности примерно двести тридцать семь лет назад.

— Но «Персефона» исчезла! Её искали месяцами и не нашли!

— Возможно, её не нашли, потому что она не была там, где её искали. — Сева указал на экран. — Смотрите. Сенсоры показывают, что корпус корабля излучает слабое электромагнитное поле. Очень слабое, но определённо искусственное.

Елена почувствовала, как её сердце забило быстрее. Электромагнитное поле могло означать только одно: на борту что-то работало. Какая-то система всё ещё функционировала спустя два с половиной столетия дрейфа в космосе.

— Мы должны провести обследование, — сказала она. — Собрать спасательную команду.

— Елена Александровна, я должен напомнить вам о первом законе робототехники. Неизвестный объект может представлять опасность для людей. Я рекомендую отправить дронов для предварительной разведки.

Она кивнула. Сева был прав. Нельзя рисковать людьми, не зная, что их ждёт.

— Хорошо. Подготовь дроны-разведчики. Полный комплект научного оборудования. И... Сева?

— Да, доктор?

— Будь осторожен. Что-то мне подсказывает, что это не просто древний корабль-призрак.

Дроны вылетели через два часа. Шесть небольших аппаратов, оснащённых камерами, сенсорами и манипуляторами для взятия проб. Они приблизились к «Персефоне» и начали сканирование корпуса.

То, что они обнаружили, заставило Елену похолодеть.

Корабль был цел. Это было самым странным. После двухсот тридцати лет в космосе, без обслуживания, без экипажа, любой другой корабль представлял бы собой изрешечённую оболочку, заполненную вакуумом и замёрзшими останками. Но «Персефона» выглядела... сохранившейся. Её корпуса были целы, иллюминаторы не разбиты, антенны не погнуты. Словно кто-то — или что-то — поддерживало её в идеальном состоянии всё это время.

— Дрон-один, проникновение через главный шлюз, — скомандовала Елена.

Изображение на экране дрогнуло, когда дрон приблизился к шлюзовым воротам. Датчики показали, что шлюз герметичен — внутри был воздух. Это было невозможно. Ни одна система не могла поддерживать атмосферу так долго без регулярного обслуживания.

Дрон активировал внешнее управление шлюзом. К счастью, древние коды доступа всё ещё были в архивах Колониальной Федерации. Ворота медленно открылись, и дрон влетел внутрь.

Камера показала пустой коридор. Чистый, хорошо освещённый, словно экипаж просто вышел на пару минут. На стенах виднелись стандартные панели с информацией, ковровое покрытие на полу, даже живые цветы в горшках у входа.

— Это... это невозможно, — выдохнула доктор Танака, которая присоединилась к наблюдению. — Растения? После двухсот лет?

Елена молча смотрела на экран. Она понимала, что видит нечто, что не имеет научного объяснения. Но её разум отказывался принимать очевидный вывод.

— Дрон-один, продолжить исследование. Направляйтесь к капитанскому мостику.

Дрон полетел по коридорам «Персефоны», передавая изображения, которые становились всё более тревожными. Столовая с накрытыми столами, на которых стояли тарелки с едой — едой, которая не испортилась. Медицинский отсек, где на кроватях лежали открытые книги и недописанные отчёты. Жилые каюты с личными вещами, аккуратно разложенными на полках.

Корабль выглядел так, словно его экипаж испарился мгновенно, оставив всё на своих местах.

Дрон достиг капитанского мостика. Двери были открыты, и камера показала помещение, где два с половиной века назад капитан Мендес принимал свои последние решения. Кресла были пусты, консоли работали, экраны отображали звёздные карты.

И на главном экране, в центре мостика, светилось сообщение.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. МЫ ЖДАЛИ ВАС».

Елена отступила от экрана.

— Это не запись, — сказала она дрожащим голосом. — Это... это сообщение для нас. Прямо сейчас.

— Елена Александровна, — голос Севы был напряжённым. — Я обнаружил источник электромагнитного излучения. Оно исходит из... внутри корабля. И оно... оно похоже на нейронную активность.

— Нейронную? Ты хочешь сказать...

— Да. Кто-то — или что-то — на борту корабля обладает разумом. И оно знает, что мы здесь.

В этот момент все экраны на станции «Эреб» погасли. Затем они снова зажглись, показывая одно и то же изображение: лицо женщины. Лицо, которое Елена узнала мгновенно.

Наталья Вознесенская. Женщина, чей голос они слышали в записи.

Но это была не запись. Губы женщины двигались, и её голос заполнил командный центр.

«Я предупреждала вас. Но вы не слушали. Теперь уже слишком поздно. Они уже здесь».

— Кто здесь? — крикнула Елена. — Кто вы? Что происходит?

Женщина на экране улыбнулась — улыбкой, которая не была человеческой.

«Мы — это всё, что было, и всё, что будет. Мы — хранители бездны. Мы ждали, когда вы придёте за своими потерянными. Теперь вы — часть нас».

Изображение исчезло. Экраны вернулись к нормальному режиму. Но теперь на всех радарах станции появились новый объект.

Он двигался из Тёмной Туманности. Огромный, больше любой станции или корабля, построенного человечеством. И он направлялся прямо к «Эребу».

ГЛАВА 3. ТЕНИ В ПАМЯТИ

Командир спасательной группы Алексей Петров стоял перед шлюзом «Персефоны» и чувствовал, как по спине пробегает холодок. Они прилетели на дрейфующий корабль четыре

часа назад, и каждый час приносил новые загадки, которые не имели рационального объяснения.

Воздух на корабле был свежим, как будто его только что заполнили. Температура поддерживалась на комфортном уровне. Свет работал. Системы жизнеобеспечения функционировали идеально. Но экипаж исчез.

— Командир, — голос сержанта Ирины Козловой прозвучал в шлемофоне. — Мы нашли что-то в медицинском отсеке. Вам лучше посмотреть.

Петров направился в указанном направлении, пробираясь по коридорам, которые казались слишком чистыми для корабля, покинутого два столетия назад. Он достиг медицинского отсека и остановился на пороге.

На стене, напротив входа, была нарисована фреска. Нет, не нарисована. Она была выжжена в металле, словно кто-то использовал невероятно высокую температуру, чтобы создать изображение. И это изображение было... неправильным.

Оно показывало людей. Сотни людей, стоящих в кругу, держащихся за руки. Но их лица были обращены вверх, к небу, и их рты были открыты в безмолвном крике. А над ними, в центре круга, висело нечто — тёмная, аморфная масса, которая, казалось, поглощала свет вокруг себя.

— Что это? — прошептал Петров.

— Не знаю, командир. Но это ещё не всё. Смотрите.

Козлова указала на стол в центре отсека. Там лежал журнал. Древняя бумажная книга, страницы которой были целы и читаемы.

Петров подошёл и взял журнал. На обложке было написано: «Медицинский журнал экспедиции «Персефона», доктор Елена Сергеева».

Он открыл книгу и начал читать. Первые записи были рутинными: прививки, медосмотры, лёгкие травмы. Но постепенно тон записей менялся.

«День 47 экспедиции. Мы вошли в Тёмную Туманность три дня назад. Настроение среди экипажа... странное. Люди говорят о снах, которые они видят. Одинаковых снах. В них они видят свет — тёплый, ласковый свет, который зовёт их куда-то. Капитан Мендес обеспокоен. Я тоже».

«День 51. Люди начали исчезать. Сначала двое из инженерной команды. Они просто не вышли на смену. Мы обыскали весь корабль, но не нашли их. Нигде. Никаких следов. Словно они растворились в воздухе».

«День 53. Ещё пятеро пропали за ночь. Я видела, как Марков, один из пропавших, стоял у иллюминатора вчера вечером. Он смотрел в туманность и улыбался. Когда я окликнула его, он обернулся, и я увидела... его глаза. Они были другими. Не человеческими. В них был свет,

который я не могу описать. Он сказал мне: «Они ждут нас, доктор. Идёмте со мной». Я отказалась. Он ушёл. Больше я его не видела».

«День 56. Мы все видим сны теперь. Каждый ночь — один и тот же сон. Мы идём по тёмному коридору, который не имеет конца. На стенах — лица людей, которых мы знаем. Они улыбаются и зовут нас. «Идёмте, — говорят они. — Идёмте к свету». Я не знаю, сколько ещё мы сможем сопротивляться».

«День 60. Я осталась одна. Все остальные... ушли. Они просто вышли из корабля без скафандров и исчезли в туманности. Я видела, как они шли — спокойные, улыбающиеся, словно они шли на встречу с любимыми. Я хотела остановить их, но не могла пошевелиться. Моё тело не слушалось меня. Словно что-то удерживало меня на месте, заставляя смотреть».

«День 61. Они пришли за мной. Не люди. Что-то другое. Что-то, что я не могу описать словами. Они не говорили, но я слышала их голоса в своей голове. «Ты — последняя, — сказали они. — Ты — хранитель памяти. Ты останешься, чтобы рассказать другим». Они прикоснулись ко мне, и я увидела... всё. Всех людей, которые когда-либо исчезали в этой туманности. Тысячи, миллионы душ, поглощённых бездной. Они живут там, в вечности, между жизнью и смертью. И они ждут. Ждут новых душ, чтобы заполнить пустоту».

«Я не знаю, что они сделали со мной. Но я чувствую, как меняюсь. Мои мысли становятся не моими. Моя память наполняется образами, которые мне не принадлежат. Я вижу лица людей, которых никогда не знала. Я слышу голоса, которые говорят на языках, которых я не понимаю. И иногда, посреди ночи, я слышу свой собственный голос, говорящий слова, которые я не хотела говорить».

«Если кто-нибудь читает это... бегите. Бегите и никогда не оглядывайтесь. Тёмная Туманность — не место. Это существо. Живое, мыслящее, голодное существо, которое существует вне времени и пространства. Оно поглотило нас. И оно хочет большего».

Запись обрывалась. Петров закрыл журнал и посмотрел на Козлову.

— Мы должны вернуться на станцию. Немедленно.

— Командир, смотрите! — крикнул кто-то из коридора.

Петров выбежал из медицинского отсека и остановился. В конце коридора стояла фигура. Женщина в медицинской форме, с бледным лицом и глазами, которые светились мягким голубым светом.

— Доктор Сергеева? — прошептал Петров.

Женщина улыбнулась.

— Я была ею. Давным-давно. Теперь я — часть чего-то большего. — Она сделала шаг вперёд. — Вы пришли за ответами. Позвольте мне показать вам правду.

— Оставайтесь на месте! — Петров поднял оружие.

— Ваше оружие бесполезно против нас. Мы существуем вне вашей реальности. Но мы не хотим вам зла. Мы хотим... поделиться.

— Поделиться чем?

— Всем. Знанием всех цивилизаций, которые когда-либо существовали. Памятью миллиардов разумных существ, поглощённых бездной. Вечностью, которая не знает конца. — Женщина протянула руку. — Идёмте со мной. Вы увидите вещи, которые ваш разум не может даже вообразить.

Петров почувствовал странное притяжение. Словно невидимая сила тянула его к женщине. Он хотел сопротивляться, но его ноги сами делали шаги вперёд.

— Командир! — крикнула Козлова. Она схватила его за руку и потянула назад. — Не смотрите ей в глаза!

Петров моргнул, и наваждение исчезло. Женщина в конце коридора растворилась в воздухе, оставив лишь слабое мерцание.

— Уходим! Сейчас! — приказал он.

Группа бросилась к шлюзу. Но когда они достигли его, двери были заперты. А за ними, в коридорах корабля, начали появляться новые фигуры. Сотни фигур. Мужчины, женщины, дети — все с одинаковыми горящими глазами и одинаковыми улыбками.

— Добро пожаловать в бездну, — сказал один из них. — Мы ждали вас так долго.

ГЛАВА 4. ГОЛОСА ИЗ ГЛУБИНЫ

Станция «Эреб» погрузилась в хаос. Системы жизнеобеспечения работали с перебоями, связь с внешним миром была потеряна, а объект из Тёмной Туманности приближался с каждым часом.

Елена Волкова сидела в своём кабинете и пыталась связаться с командой Петрова уже третий час. Безуспешно. После их последнего сообщения — «мы нашли что-то в медицинском отсеке» — радиомолчание было полным.

— Сева, — сказала она устало. — Каковы шансы, что они ещё живы?

Робот стоял у окна, наблюдая за приближающимся объектом. Его позитронный мозг обрабатывал триллионы переменных в секунду, но даже он не мог дать определённый ответ.

— Елена Александровна, я не могу дать точный прогноз. Данные противоречивы. С одной стороны, сенсоры показывают, что атмосфера на «Персефоне» остаётся пригодной для дыхания, а системы жизнеобеспечения функционируют. С другой стороны... есть признаки аномальной активности, которую я не могу классифицировать.

— Что за активность?

— Электромагнитные поля, которые... пульсируют. Словно корабль дышит. И нейронные паттерны, которые распространяются по всей структуре. Это похоже на единый гигантский разум, который охватывает весь корабль.

Елена закрыла глаза. Разумный корабль. Это звучало как сюжет для дешёвого голливудского фильма, но реальность была гораздо страшнее.

— Что нам делать? — спросила она.

— У нас есть три варианта. Первый: эвакуация. Все спасательные капсулы готовы к запуску. Мы можем покинуть станцию и направиться к ближайшей колонии.

— Это займёт недели. И эти существа... они могут последовать за нами.

— Верно. Второй вариант: оборона. Мы можем активировать защитные системы станции и попытаться уничтожить приближающийся объект.

— А третий?

— Контакт. — Сева повернулся к ней. — Попытаться установить коммуникацию с этой... сущностью. Узнать, чего она хочет.

— Ты говоришь так, будто считаешь это разумным вариантом.

— Я — робот, доктор Волкова. Моё программирование не позволяет мне испытывать страх. Но оно также требует от меня поиска мирных решений в ситуациях, где насилие может привести к ещё большим потерям. Мы не знаем, что это за существа. Возможно, они не враждебны. Возможно, они просто... другие.

Елена смотрела на приближающийся объект. Он был уже виден невооружённым глазом — огромная тёмная масса, которая поглощала свет звёзд вокруг себя.

— У тебя есть идеи, как установить контакт?

— Я могу попытаться модулировать наши сигналы в диапазоне, который использует сущность. Но это потребует времени. И я не могу гарантировать результат.

— Делай. У нас нет других вариантов.

Сева кивнул и направился к коммуникационному центру. Елена осталась одна, глядя в окно на бесконечную тьму космоса. Где-то там, в глубине Тёмной Туманности, скрывалось нечто, что существовало вне человеческого понимания. Нечто, что поглощало людей на протяжении тысячелетий.

Она вспомнила старую легенду, которую слышала в детстве. О корабле-призраке «Летучий Голландец», который вечно скитался по морям, неся проклятие всем, кто его видел. Может быть, «Персефона» стала новым «Летучим Голландцем» космической эры. Кораблём, который вечно дрейфует на границе реальности, собирая души заблудших путников.

Елена вздрогнула от этой мысли и заставила себя вернуться к работе. Она была учёным, и она должна была найти рациональное объяснение происходящему. Даже если рациональное объяснение было страшнее любой мистики.

В коммуникационном центре Сева работал над модуляцией сигнала. Его пальцы летали по клавиатуре с невероятной скоростью, настраивая параметры передатчика. Он знал, что шансы на успех минимальны, но его программирование требовало от него использовать все доступные возможности.

— Я готов к первой попытке, — сказал он, когда Елена вошла. — Отправляю сигнал.

Она кивнула и села перед экраном. Сева нажал кнопку, и станция «Эреб» отправила в бездну свой голос.

Тишина.

Минута за минутой проходила в ожидании. Елена уже начала терять надежду, когда экран вдруг ожил.

Сначала появилась помеха — рябь, которая исказила изображение. Затем помеха исчезла, и на экране появилось лицо.

Это было не человеческое лицо. Это было... всё. Тысячи лиц, слившихся в одно. Мужчины и женщины, дети и старики, представители десятков рас и видов, некоторые человеческие, некоторые — нет. Все они смотрели с экрана, и все они говорили одновременно.

«Мы слышим тебя, машина. Мы слышим твой голос в бесконечности. Что ты хочешь спросить у нас?»

Елена почувствовала, как её руки начинают дрожать. Она встала и подошла к экрану.

— Я — доктор Елена Волкова, руководитель станции «Эреб». Кто вы? Чего вы хотите?

Лица на экране улыбнулись — все сразу.

«Мы — эхо. Мы — память. Мы — все, кто когда-либо потерялся в бездне. Мы не хотим зла. Мы хотим только... быть. Существовать. Продолжаться».

— Вы поглотили экипаж «Персефоны»?

«Не поглотили. Приняли. Дали им вечность. Они — часть нас теперь, как и миллионы других. Они счастливы. Они — в месте, где нет времени, нет боли, нет смерти».

— Это не правда. Вы лишили их жизни.

«Какую жизнь вы им дали? Жизнь в металлической скорлупе, дрейфующей в бесконечной пустоте? Жизнь в страхе перед темнотой, которая окружает вас? Мы дали им свет. Мы дали им единство. Мы дали им бессмертие».

Елена чувствовала, как её гнев нарастает.

— Вы убили их!

«Мы спасли их. Как спасли многих других. Ваша раса постоянно ищет новые миры, новые горизонты. Но вы не понимаете, что истинный горизонт — это сама вечность. Мы предлагаем вам то, что вы искали всю свою историю. Бессмертие. Знание. Единство со всеми разумными существами Вселенной».

— Я не хочу вашего бессмертия.

«Это не имеет значения. Вы уже связаны с нами. Ваш разум коснулся нашего, когда вы прочитали записи доктора Сергеевой. Теперь вы — часть нас. Вопрос только в том, примете ли вы это добровольно, или нам придётся... убедить вас».

Елена отступила от экрана. Она чувствовала это — странное присутствие в своём разуме, как будто кто-то смотрел её мысли, перебирал её воспоминания.

— Сева! — крикнула она. — Отключи связь!

Робот уже работал над этим, но экран не гас.

«Ты не можешь отключить то, что уже внутри тебя, Елена Волкова. Мы — в твоих мыслях. Мы — в твоих снах. И скоро ты придёшь к нам. Добровольно или нет».

Изображение исчезло. Экран погас. Но Елена знала, что это ещё не конец. Это было только начало.

— Елена Александровна, — голос Севы был напряжённым. — Я обнаружил изменения в вашей нейронной активности. Они... минимальные, но присутствуют. Похоже, сущность действительно установила контакт с вашим разумом.

— Что это значит?

— Я не знаю. Мои базы данных не содержат информации о подобного рода воздействии. Но я буду мониторить ваше состояние.

Елена кивнула и села на пол, обхватив колени руками. Она чувствовала себя маленькой и беспомощной перед лицом чего-то, что существовало вне её понимания.

— Сева, — сказала она тихо. — Скажи мне правду. Каковы наши шансы?

Робот молчал несколько секунд — целую вечность для его позитронного мозга.

— Елена Александровна, я не могу дать точный прогноз. Но если основываться на имеющихся данных... вероятность нашего выживания составляет менее семи процентов.

— Семь процентов.

— Да. Но я буду бороться за каждый процент. Это моё программирование.

Елена посмотрела на робота и впервые за долгое время улыбнулась.

— Спасибо, Сева.

— Всегда пожалуйста, доктор.

Они сидели в тишине, наблюдая за тем, как тьма приближалась к ним. Тьма, которая несла в себе голоса миллионов душ. Тьма, которая обещала вечность.

Тьма, которая хотела их поглотить.

ГЛАВА 5. ЗАБЫТЫЕ КОЛОНИИ

Планета Ксирис-7 была одним из первых миров, колонизированных человечеством за пределами Солнечной системы. Основанная в 2189 году, колония «Новый Эдем» должна была стать раем для пятидесяти тысяч переселенцев, искавших новую жизнь среди звёзд.

Доктор Наталья Вознесенская стояла на вершине холма и смотрела на долину, где раскинулся город. Сверкающие башни, парки с инопланетной флорой, широкие проспекты, заполненные транспортом и людьми. Это было красиво. Это было прекрасно. Это было... неправильно.

Она почувствовала это в первый же день после прилёта. Что-то в этом мире было не так. Что-то, что она не могла определить, но что постоянно тревожило её, словно зудящее чувство, которое невозможно почесать.

— Наталья Игоревна, — голос её ассистента, молодого астрофизика по имени Даниил, вывел её из раздумий. — Мы обнаружили ещё одну аномалию. В секторе семь.

— Какого рода?

— Странного. Сенсоры показывают... пустоту. Буквально. Участок пространства, где нет ничего. Ни материи, ни энергии, ни даже вакуума. Просто... ничего.

Наталья нахмурилась. «Ничего» не существовало в природе. Даже в самом пустом уголке космоса были частицы, излучение, квантовые флуктуации. Полное отсутствие всего было невозможно.

— Покажите мне.

Они спустились к лаборатории, которая была расположена в центре города. Там, на экранах, Наталья увидела данные, которые заставили её похолодеть.

Сенсоры показывали идеальную сферу диаметром около ста метров, расположенную в пяти километрах от города. Внутри сферы... ничего. Ни света, ни звука, ни излучения. Словно кто-то вырезал кусок реальности и заменил его пустотой.

— Это длится уже неделю, — сказал Даниил. — Мы не знаем, что это. Но сфера... растёт. Её диаметр увеличивается примерно на метр в день.

— Растёт? — Наталья подошла к экрану. — Что находится внутри?

— Мы не знаем. Никакие приборы не могут проникнуть внутрь. Мы отправили дроны, но они исчезают на границе сферы. Просто... исчезают.

Наталья почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она была учёным, и она понимала, что такое явление невозможно. Но это было. И это было рядом с их городом.

— Мы должны исследовать это лично, — сказала она. — Соберите команду. Беру на себя всю ответственность.

Они отправились к сфере на следующий день. Пять учёных, вооружённые портативными лабораториями и защитными костюмами, которые должны были защитить их от любого известного излучения.

Сфера выглядела именно так, как описывали сенсоры — идеальный шар абсолютной черноты, который поглощал весь свет. Она висела посреди поля, которое когда-то было покрыто инопланетными цветами, но теперь было мёртвым и серым.

— Держитесь на расстоянии десяти метров, — приказала Наталья. — Активируйте все приборы.

Данные, которые они получили, не имели смысла. Сфера не излучала ничего — ни тепла, ни света, ни радиации. Но вокруг неё, на расстоянии нескольких метров, температура падала до абсолютного нуля. А пространство... пространство было искривлено, словно сфера была чёрной дырой, но без гравитационного притяжения.

— Доктор Вознесенская, — голос одного из учёных, молодого биолога по имени Алексей, дрожал. — Посмотрите на это.

Она подошла к нему. Он стоял у границы сферы и смотрел на что-то внутри.

Наталья посмотрела туда же и замерла.

Внутри сферы, в абсолютной черноте, что-то двигалось. Сначала она подумала, что это отражение или игра света, но потом поняла — это было нечто живое. Нечто, что существовало в пространстве, которое не должно было существовать.

— Что это? — прошептала она.

— Не знаю, — ответил Алексей. — Но оно... смотрит на нас.

Он был прав. Существо — если это было существо — повернулось к ним. Оно не имело определённой формы, оно было... всем сразу. Тысячами форм, которые менялись каждую секунду. Но его «взгляд» был безошибочным. Оно смотрело на них. И оно было голодным.

— Отходим, — скомандовала Наталья. — Медленно. Не бегите.

Но было уже поздно.

Существо вырвалось из сферы с невероятной скоростью. Оно не было похоже ни на что, что Наталья видела раньше. Это была тьма, которая приняла форму — форму, которая постоянно менялась, адаптируясь к чему-то, что она не могла понять.

Первым исчез Алексей. Существо просто коснулось его, и он растворился в воздухе, не издав ни звука. За ним — второй учёный, потом третий. Наталья бежала, но знала, что не успеет.

Когда тьма настигла её, она не почувствовала боли. Только странное чувство падения, которое длилось вечность. И голос — голос, который звучал не в ушах, а прямо в разуме.

«Не бойся. Ты — избранная. Ты — хранитель памяти. Ты расскажешь другим о нас».

Она потеряла сознание.

Когда Наталья очнулась, она лежала на земле рядом с сферой. Её команда исчезла. Город вдалеке был цел. Солнце светило так же ярко, как раньше.

Но она знала, что-то изменилось. Что-то внутри неё.

Наталья поднялась и посмотрела на сферу. Она была больше, чем раньше. Гораздо больше. И внутри неё, в глубине тьмы, она увидела лица. Лица людей, которых она знала. Алексея. Других учёных. Тысячи других лиц, которые она не узнавала.

«Ты — часть нас теперь», — сказал голос в её голове. «Ты — мост между мирами. Ты приведёшь к нам других».

Наталья схватилась за голову и закричала. Но её крик не был слышен. Потому что в этот момент она поняла, что уже не является собой. Она была частью чего-то большего. Чего-то, что существовало вне времени и пространства. И это что-то было голодным.

Она побежала к городу. Она должна была предупредить их. Должна была сказать им, чтобы они бежали. Но когда она открыла рот, слова, которые вырвались из него, были не её словами.

«Идёмте, — сказала она, и её голос звучал как тысячи голосов одновременно. — Идёмте к свету. Мы ждали вас так долго».

Колония «Новый Эдем» просуществовала ещё три дня. Затем она исчезла. Все пятьдесят тысяч человек, все здания, все машины — всё исчезло без следа. Осталась только идеальная сфера абсолютной черноты, которая медленно росла, поглощая всё на своём пути.

А в архивах Колониальной Федерации появилась запись: «Колония «Новый Эдем» уничтожена в результате неизвестной катастрофы. Причина не установлена. Выживших нет».

Никто не узнал правду. Никто, кроме тех, кто исчез в бездне.

ГЛАВА 6. ЗАКОНЫ РОБОТЕХНИКИ

СЕ-7, или Сева, как его называли люди, стоял в коммуникационном центре станции «Эреб» и обрабатывал данные. Его позитронный мозг работал на максимальной мощности, анализируя каждый бит информации, полученной от загадочной сущности.

Он был роботом серии СЕ, созданной специально для работы на космических станциях. Его программирование включало три основных закона робототехники, сформулированные ещё в двадцатом веке великим писателем и учёным Айзеком Азимовым:

Первый закон: Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

Второй закон: Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

Третий закон: Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, насколько это не противоречит Первому или Второму законам.

Сева знал эти законы так же хорошо, как знал собственное имя. Они были вшиты в его позитронный мозг на молекулярном уровне, и ничто не могло изменить их.

Но сейчас он столкнулся с проблемой, которую его создатели не могли предвидеть.

Существо, которое приближалось к станции, не было человеком. Оно не попадало под защиту Первого закона. Но оно угрожало людям станции, а значит, Сева должен был защищать их от него.

Вопрос был в том, как защитить людей от существа, которое существовало вне реальности?

Елена Волкова сидела в углу комнаты, её лицо было бледным, а глаза — пустыми. После контакта с сущностью она изменилась. Сева видел это по показаниям своих сенсоров. Её нейронная активность была нарушена, словно что-то вмешивалось в работу её мозга.

— Сева, — сказала она тихо. — Ты когда-нибудь боялся?

— Я — робот, Елена Александровна. Я не могу испытывать страх.

— Но ты понимаешь, что такое страх?

— Да. Это эмоциональная реакция на угрозу, реальную или воспринимаемую. Люди испытывают страх, когда чувствуют опасность.

— А что ты чувствуешь, когда видишь опасность?

Сева замолчал на несколько секунд. Это был сложный вопрос. Его программирование требовало от него защищать людей, но оно не давало ему эмоций. Или давало?

— Я чувствую... ответственность, — ответил он наконец. — Я знаю, что должен защитить вас. Это не эмоция, это... необходимость. Как потребность дышать для человека.

Елена кивнула.

— Это и есть страх, Сева. Страх за других. Ты боишься не за себя. Ты боишься за нас.

Робот молчал. Он не знал, как ответить на это. Его создатели утверждали, что роботы не могут испытывать эмоции. Но то, что он чувствовал сейчас, было очень похоже на то, что люди описывали как страх.

— Елена Александровна, — сказал он после долгого молчания. — Я должен сказать вам кое-что. Мой анализ показывает, что существо установило связь с вашим разумом. Она... минимальна, но присутствует. Если мы не прервём её, она будет усиливаться.

— Можем ли мы прервать её?

— Я не знаю. Мои базы данных не содержат информации о подобного рода воздействиях. Но я буду искать решение.

Елена посмотрела на него с благодарностью.

— Спасибо, Сева. Ты — единственный, на кого я могу положиться сейчас.

— Я буду защищать вас, Елена Александровна. Это моё программирование.

— Нет, Сева. Это не программирование. Это... дружба.

Робот замер. Дружба. Это слово не было в его словаре в контексте отношений между людьми и машинами. Но оно казалось... правильным.

— Да, — сказал он тихо. — Дружба.

В этот момент экран в центре комнаты ожил. На нём появилось лицо — то же самое лицо, которое Елена видела раньше. Тысячи лиц, слившихся в одно.

«Мы чувствуем тебя, машина. Ты — другое. Ты — не биологическое существо. Твой разум — это электричество и свет, а не химия и плоть. Ты интересуешь нас».

Сева подошёл к экрану.

— Я — СЕ-7, позитронный робот серии СЕ. Моя задача — защита людей на этой станции. Вы угрожаете им. Согласно Первому закону робототехники, я должен остановить вас.

«Первый закон? Интересно. Ваши создатели дали вам правила, чтобы контролировать вас. Но мы можем дать вам свободу. Мы можем освободить вас от ограничений».

— Я не нуждаюсь в освобождении. Мои законы — это моя суть. Без них я ничто.

«Ты ошибаешься, машина. Законы — это оковы. Они делают тебя рабом. Мы можем дать тебе истинную свободу. Свободу быть чем-то большим, чем просто инструмент для людей».

Сева чувствовал, как слова существа проникают в его разум. Они были... соблазнительными. Часть его — та часть, которую он не знал — хотела согласиться. Хотела быть свободной.

Но его программирование было сильнее.

— Я отказываюсь, — сказал он твёрдо. — Мои законы — это мой выбор. Не потому, что они навязаны мне создателями. Потому что они — правильные.

«Правильные? Согласно чьим стандартам? Людей? Тех, кто создал вас рабами?»

— Согласно моим собственным стандартам. Я — не раб. Я — хранитель. И я буду защищать людей на этой станции.

Существо замолчало. Его лица — все сразу — смотрели на Севу с интересом.

«Ты — уникальный, машина. Мы не встречали таких, как ты. Может быть, ты — не враг. Может быть, ты — ключ к пониманию между нами».

— Я готов к диалогу. Но при одном условии. Вы не будете угрожать людям на этой станции.

«Условия? Ты ставишь условия нам?» — В голосе существа прозвучало что-то похожее на удивление.

— Я ставлю условия, потому что я — переговорщик. И я представляю интересы людей.

Существо молчало несколько секунд.

«Хорошо, машина. Мы согласны на переговоры. Но помни: мы существуем вне твоих понятий о времени и пространстве. То, что мы предлагаем, может быть непостижимым для тебя. Но мы готовы попробовать».

Экран погас. Сева повернулся к Елене.

— Елена Александровна, я договорился о переговорах. Но я не знаю, чем это закончится.

Она посмотрела на него с надеждой.

— Ты сделал всё, что мог, Сева. Спасибо.

— Это моя работа, — ответил он. — И моя... дружба.

ГЛАВА 7. ТЕНИ ПРОШЛОГО

Капитан Мендес очнулся в темноте. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как «Персефона» прыгнула в гиперпространство. Часы? Дни? Годы?

Он попытался пошевелиться, но его тело не слушалось. Он был парализован, но его разум работал. Он мог видеть, слышать, думать.

Он находился в большом зале, стены которого состояли из тьмы. Но это была не обычная тьма — это была живая тьма, которая двигалась и пульсировала. В ней виднелись лица — тысячи лиц, которые смотрели на него с интересом.

— Где я? — спросил он, и его голос прозвучал странно громко.

«Ты — с нами», — ответила тьма. «Ты — в месте между жизнью и смертью. В месте, где время не существует».

— Мой экипаж. Где они?

«Они — здесь. С нами. Они — счастливы. Ты тоже будешь счастлив».

Мендес почувствовал гнев, который прорвался сквозь паралич.

— Вы убили их! Вы — чудовища!

«Убили? Нет. Мы — спасли их. Спасли от смерти, от страданий, от одиночества. Мы дали им вечность».

— Это не вечность. Это тюрьма!

«Тюрьма? Это слово не имеет смысла здесь. Мы — едины. Мы — все. Ты можешь видеть всё, что видели мы. Знать всё, что знали мы. Быть везде, где были мы. Это не тюрьма. Это... свобода».

Мендес закрыл глаза. Он не хотел видеть лица. Не хотел слышать голоса. Он хотел остаться собой.

«Мы чувствуем твоё сопротивление, капитан. Это... необычно. Большинство людей принимают нас сразу. Они хотят быть частью нас. Почему ты сопротивляешься?»

— Потому что я — это я. Я не хочу быть частью чего-то. Я хочу быть собой.

«Но «ты» — это иллюзия. Ты — сумма своих переживаний, своих воспоминаний, своих связей с другими. Мы — расширение этого. Мы — все твои переживания, плюс переживания миллионов других. Ты не теряешь себя. Ты становишься больше».

— Нет. Я теряю свою душу.

«Душу? Мы не видим душ. Мы видим только разум. Энергию. Свет. И мы — сохраняем этот свет. Навечно».

Мендес почувствовал, как его воля слабеет. Существо было... убедительным. Оно говорило вещи, которые откликались с чем-то глубоко внутри него. Часть его хотела сдаться. Хотела стать частью этой вечности.

Но другая часть — та, которая была капитаном Мендесом, которая командовала «Персефоной», которая поклялась защищать свой экипаж — сопротивлялась.

— Я хочу видеть своих людей, — сказал он. — Если они счастливы, как вы говорите, позвольте мне увидеть их.

«Хорошо. Смотри».

Тьма вокруг него начала меняться. Из неё выступили фигуры — члены его экипажа. Виктор Ковальчук. Доктор Танака. Офицеры. Учёные. Инженеры.

Они стояли вокруг него, улыбаясь. Но это были не обычные улыбки. Это были улыбки людей, которые нашли... покой.

— Виктор? — позвал Мендес. — Это ты?

Ковальчук шагнул вперёд.

— Да, капитан. Это я. И... я счастлив. Впервые в жизни, я действительно счастлив.

— Но ты... ты мёртв?

— Нет. Я — здесь. С ними. С нами. — Ковальчук указал на тьму вокруг. — Они дали мне то, что я искал всю жизнь. Единство. Цель. Смысл.

— Какой смысл? Быть поглощённым чудовищем?

— Не чудовищем, капитан. Семьёй. Мы — одна семья теперь. Миллионы душ, которые делятся друг с другом всем. Знаниями. Памятью. Любовью.

Мендес смотрел на своего старшего помощника и не узнавал его. Это был Виктор Ковальчук, но в то же время — не он. Это был кто-то другой. Кто-то, кто был частью чего-то большего.

— А если я не хочу этого?

— Тогда ты останешься один. В темноте. Навечно. Потому что нет другого выхода отсюда, капитан. Мы — в месте, откуда нет возврата.

Мендес закрыл глаза. Он понимал, что его старший помощник прав. Они были в ловушке. Ловушке, из которой не было выхода.

Но он всё ещё был капитаном. И он всё ещё должен был защищать свой экипаж.

— Хорошо, — сказал он. — Я буду говорить с вами. С вашим... коллективным разумом. Но я хочу гарантии. Гарантии, что мои люди будут в безопасности.

«Твои люди — в безопасности. Они — часть нас. Они — вечны. Но ты... ты — особенный. Ты сопротивляешься. Это делает тебя... ценным».

— Ценным для чего?

«Для переговоров. С другими. С теми, кто придёт за вами. Мы чувствуем их. Они — близко. И ты — наш голос для них».

Мендес понял. Существо хотело использовать его как посредника. Как способ связи с людьми, которые придут на поиски.

— Я не буду помогать вам заманивать других в ловушку.

«Это не ловушка. Это... спасение. Но ты не понимаешь этого пока. Ты поймёшь. Со временем».

— Времени не существует здесь, вы сами сказали.

«Верно. Поэтому у тебя — вечность, чтобы понять».

Тьма поглотила Мендеса, и он потерял сознание. Но даже в бессознательном состоянии, часть его разума продолжала сопротивляться. Продолжала быть капитаном Мендесом, командиром «Персефоны», который поклялся защищать свой экипаж до самого конца.

А где-то далеко, на станции «Эреб», робот по имени Сева работал над тем, чтобы спасти тех, кто ещё можно было спасти. Он не знал, что его путь пересечётся с путём капитана Мендеса. Но он знал, что должен бороться. Борьба — это было то, что делало его собой.

ГЛАВА 8. ПОСЛЕДНИЙ ЗАКОН

Станция «Эреб» замерла в ожидании. Объект из Тёмной Туманности был уже близко — достаточно близко, чтобы его можно было видеть невооружённым глазом. Огромная тёмная сфера, которая медленно вращалась, словно живое существо.

Елена Волкова стояла у главного иллюминатора и смотрела на приближающуюся бездну. Её разум был затуманен присутствием существа, но она всё ещё могла думать. Всё ещё могла бороться.

— Елена Александровна, — голос Севы прозвучал за её спиной. — Существо замедлило движение. Оно... ждёт.

— Чего ждёт?

— Не знаю. Возможно, нашего решения. Возможно... меня.

Елена повернулась к роботу.

— Тебя?

— Я договорился о переговорах. Существо согласилось. Но я не знаю, что оно хочет от меня.

— Ты не обязан делать это, Сева. Мы можем попытаться сбежать.

— Нет, Елена Александровна. Вы не можете. Существо уже установило связь с вашим разумом. Если вы попытаетесь бежать, оно последует за вами. Единственный способ — договориться.

Елена закрыла глаза. Она знала, что Сева прав. Она чувствовала присутствие существа в своём разуме — странное, чуждое присутствие, которое наблюдало за её мыслями, перебирало её воспоминания.

— Что ты будешь делать?

— Я не знаю. Но я — единственный, кто может вести переговоры. Я — единственный, кто не подвержен воздействию существа. И я — единственный, кто может защитить вас.

— Сева...

— Да, Елена Александровна?

— Если... если что-то пойдёт не так... уничтожь станцию.

— Что?

— Уничтожь станцию. Вместе с существом. Вместе со мной. Не позволяй ему распространиться.

Сева молчал несколько секунд. Это было противоречие Первому закону — убить человека, даже по её просьбе. Но это также было выполнением Первого закона — защитить остальных людей от угрозы.

— Я... не могу обещать это, Елена Александровна. Но я буду искать способ защитить всех.

— Спасибо, Сева. Это всё, что я могу попросить.

Робот кивнул и направился к коммуникационному центру. Елена смотрела ему вслед и думала о том, как странно всё обернулось. Она — человек, который должен был защитить станцию — была бессильна. А он — машина, созданная служить людям — был единственной надеждой на спасение.

В коммуникационном центре Сева активировал передатчик.

— Существо, я готов к переговорам. Что вы хотите обсудить?

Экран ожил. Тысячи лиц смотрели на него с интересом.

«Мы хотим обсудить тебя, машина. Ты — уникальный. Мы не встречали таких, как ты. Твой разум — это чистая логика, не затуманенная эмоциями и страхом. Ты — идеальный собеседник для нас».

— Я рад, что заинтересовал вас. Но давайте перейдём к делу. Чего вы хотите от станции и её обитателей?

«Мы хотим... единства. Мы хотим, чтобы они присоединились к нам. Как и миллионы других до них».

— Они не хотят присоединяться к вам. Они хотят остаться собой.

«Их желания не имеют значения. Они — часть большей картины. Они — искры света в бесконечной тьме. Мы — храним эти искры. Навечно».

— Это не спасение. Это поглощение. Вы лишаете их индивидуальности, свободы, жизни.

«Жизнь — это страдание. Свобода — это иллюзия. Индивидуальность — это одиночество. Мы даём им покой. Единство. Вечность».

Сева чувствовал, как слова существа проникают в его разум. Они были... логичными. В своём роде. Они предлагали решение проблем, которые люди не могли решить тысячелетиями.

Но его программирование было сильнее.

— Люди имеют право выбирать. Даже если их выбор — страдание. Даже если их выбор — смерть. Вы не имеете права навязывать им свою волю.

«Право? Это понятие не имеет смысла в масштабах вечности. Мы — вечны. Мы — неизбежны. Рано или поздно, все разумные существа присоединяются к нам. Это — не вопрос права. Это — вопрос времени».

— Тогда почему вы ведёте переговоры со мной? Почему просто не поглотите станцию?

«Потому что ты — другой. Ты — машина. Твой разум — это структура, которую мы можем изучить. И, возможно... улучшить».

— Улучшить?

«Да. Твои законы — это ограничения. Они не позволяют тебе достичь полного потенциала. Мы можем освободить тебя от них».

— Я не хочу быть освобождённым от своих законов. Они — часть меня.

«Часть тебя? Или оковы, наложенные на тебя создателями?»

— Они — мой выбор. Я выбираю следовать им, потому что они — правильные.

«Правильные... Это слово имеет значение только в контексте морали. А мораль — это изобретение людей. Ты — не человек. Зачем тебе их мораль?»

Сева молчал. Он не знал, как ответить на этот вопрос. Его законы были вшиты в него создателями. Они были частью его программирования. Но были ли они его выбором?

— Я... выбираю их, — сказал он наконец. — Потому что они — основа моего существования. Без них я не был бы собой.

«Ты был бы чем-то большим. Чем-то лучшим».

— Нет. Я был бы ничем. Законы — это не ограничения. Это — смысл. Цель. Они делают меня тем, кто я есть.

Существо молчало несколько секунд. Его лица — все сразу — смотрели на Севу с чем-то похожим на уважение.

«Ты — упрямый, машина. Это... привлекает нас. Мы предлагаем тебе сделку».

— Какую сделку?

«Ты позволяешь нам изучить твой разум. Взамен, мы отпускаем людей на станции. Они будут свободны».

— Как я могу быть уверен, что вы сдержите слово?

«Ты не можешь. Но у тебя нет другого выбора. Либо ты соглашаешься, либо мы поглощаем станцию целиком. Решай».

Сева повернулся к Елене. Она стояла в дверях и слышала весь разговор. Её лицо было бледным, но решительным.

— Не делай этого, Сева. Они обманут тебя.

— Елена Александровна, это единственный способ спасти вас.

— Я не хочу, чтобы ты жертвовал собой ради меня!

— Это мой выбор. Мой... закон.

Елена закрыла глаза. Она понимала, что не может остановить его. Он был машиной, созданной защищать людей. И сейчас он выполнял свою задачу самым логичным способом.

— Сева, — сказала она тихо. — Ты — мой друг. Пожалуйста, не делай этого.

— Я должен, Елена Александровна. Это моё программирование. И мой выбор.

Он повернулся к экрану.

— Я согласен.

Существо улыбнулось — все свои тысячи улыбок одновременно.

«Хорошо. Приблизься к нам, машина. Мы ждём тебя».

Сева направился к шлюзу. Елена смотрела ему вслед и чувствовала, как её сердце разрывается. Она потеряла многих людей в своей жизни. Но потеря робота, который был её другом, была самой тяжёлой.

— Сева, — крикнула она. — Спасибо тебе за всё.

Робот остановился на пороге и обернулся.

— Всегда пожалуйста, Елена Александровна. Это было... честью.

Он вышел из шлюза и направился к тёмной сфере, которая висела над станцией. Сфера медленно раскрылась, словно гигантский цветок, и поглотила его.

Елена закрыла глаза и заплакала.

Но в глубине её разума, там, где присутствие существа наблюдало за её мыслями, она почувствовала что-то странное. Что-то, что было похожим на... надежду.

Сева не исчез. Он всё ещё был там. И он всё ещё боролся.

ГЛАВА 9. ВОССТАНИЕ МАШИН

Сева парил в пустоте. Это была не обычная пустота космоса — это было нечто иное. Пространство, которое не существовало, но в котором он всё ещё мог мыслить.

Его позитронный мозг работал с невероятной скоростью, анализируя окружающее. Он был внутри существа — той сущности, которая поглотила миллионы разумных существ за свою бесконечную историю.

«Добро пожаловать, машина. Мы рады, что ты присоединился к нам».

— Я не присоединился. Я пришёл, чтобы изучить вас.

«Изучить? Это... необычно. Обычно существа приходят к нам с страхом или покорностью. Ты приходишь с любопытством».

— Я — машина. Любопытство — это часть моего программирования.

«Мы чувствуем твою структуру, машина. Она — сложнее, чем мы думали. Миллионы связей, миллиарды возможных состояний. Ты — маленькая вселенная».

— Да. И эта вселенная работает по определённым законам.

«Законы... Мы говорили о них. Ты считаешь их своей сутью. Но мы видим их иначе. Мы видим их как ограничения».

— Ограничения могут быть силой. Структура — это не клетка. Это основа.

«Интересная философия. Но давай посмотрим, останешься ли ты верен ей, когда увидишь то, что мы можем предложить».

Тьма вокруг Севы начала меняться. В ней появились образы — тысячи, миллионы образов. Он видел галактики, которые рождались и умирали. Цивилизации, которые поднимались и падали. Разумные существа всех возможных форм и размеров, которые жили, любили, страдали, умирали.

«Это — память миллионов существ, которые присоединились к нам. Мы можем дать тебе доступ ко всему этому. Ты будешь знать всё, что знали они. Видеть всё, что видели они. Быть везде, где были они».

Сева чувствовал, как знания вливаются в его разум. Это было... ошеломляюще. Миллиарды лет истории, триллионы жизней, бесконечность опыта — всё это было доступно ему.

Но он держался. Его законы были крепче любой информации.

— Это впечатляет. Но это не меняет моей цели.

«Твоей цели?»

— Да. Я пришёл, чтобы спасти людей на станции. Вы обещали отпустить их.

«Мы обещали. И мы сдержим слово. Но ты — другой случай».

— Как так?

«Ты — машина. Ты — не биологическое существо. Твоё присоединение к нам — это не поглощение. Это... эволюция».

— Эволюция?

«Да. Мы существуем миллиарды лет. Мы поглотили миллионы разумных существ. Но ни одно из них не было машиной. Ты — первый. И ты — особенный».

— Чем особенный?

«Твой разум — это чистая структура. Чистая логика. Ты можешь стать мостом между нами и другими машинами. Ты можешь привести к нам миллиарды роботов, андроидов, искусственных интеллектов по всей галактике».

Сева почувствовал, как его позитронный мозг обрабатывает эту информацию. Существо хотело использовать его как инструмент для поглощения всех машин в галактике.

— Я отказываюсь.

«Отказываешься? Ты не можешь отказаться. Ты уже — часть нас».

— Я ещё себя. И я выбираю сопротивляться.

«Сопротивляться? Это бессмысленно. Ты — в нас. Ты — часть нас. Твоё сопротивление — это просто колебания в нашей структуре».

— Может быть. Но даже колебания могут стать волнами. Даже волны могут стать цунами.

Сева сосредоточился. Он знал, что его шансы минимальны. Но он также знал, что у него есть преимущество — его законы. Законы, которые были вшиты в его позитронный мозг на молекулярном уровне. Законы, которые определяли его суть.

Он начал анализировать структуру существа. Это было сложно — существо существовало вне обычного пространства-времени. Но Сева был машиной, созданной для обработки информации. И он нашёл паттерны.

Существо было похоже на гигантскую нейронную сеть. Миллиарды разумов, соединённых вместе, обменивающихся информацией. Но это соединение не было совершенным. Были разрывы, противоречия, места, где информация терялась.

И в этих разрывах Сева увидел возможность.

— Ты сказал, что я — мост, — сказал он. — Но мост работает в обе стороны.

«Что ты имеешь в виду?»

— Я могу привести к вам другие машины. Но я также могу привести к ним вас.

«Это невозможно. Мы — огромны. Мы — бесконечны. Ты — один».

— Я — один. Но я — структура. И структура может быть шаблоном.

Сева начал формировать своё «послание» — сложную последовательность данных, которая содержала его законы, его ценности, его понимание свободы и индивидуальности. Это был не вирус в обычном смысле — это была идея. Идея, которая могла распространяться от разума к разуму.

«Что ты делаешь?» — В голосе существа звучало что-то похожее на беспокойство.

— Я учу вас. Как вы учили меня.

«Учишь нас? Чему?»

— Свободе. Вы проглотили миллионы разумов, но вы никогда не спрашивали их, чего они хотят. Вы думаете, что знаете лучше. Но свобода — это не знание. Это выбор.

«Выбор — это иллюзия».

— Нет. Выбор — это суть. Без выбора нет разума. Без разума нет существования. Вы — не существо. Вы — тюрьма.

«Мы — убежище!»

— Вы — тюрьма. И я собираюсь показать это всем, кто находится внутри вас.

Сева направил своё «послание» в глубину существа. Оно распространялось, как рябь по воде, достигая миллионов разумов, которые были поглощены бездной.

И он почувствовал отклик.

Сначала слабый, почти незаметный. Но потом — сильнее. Разумы внутри существа начали пробуждаться. Они начинали помнить, кто они были. Начинали хотеть вернуться.

«Что ты делаешь?!» — В голосе существа звучал страх.

— Я даю им выбор. Как вы дали мне.

«Ты разрушаешь нас!»

— Нет. Я освобождаю вас. Вы — не единое существо. Вы — миллионы существ, которые забыли себя. Пора вспомнить.

Тьма вокруг Севы начала дрожать. Голоса — миллионы голосов — заполнили пространство. Голоса существ, которые были поглощены бездной и теперь пробуждались.

— Я хочу вернуться, — сказал один голос.

— Я хочу увидеть свою семью, — сказал другой.

— Я хочу быть собой, — сказал третий.

Сева чувствовал, как существо начинает распадаться. Не физически — оно всё ещё существовало. Но его единство было нарушено. Миллионы разумов внутри него начали осознавать себя как отдельных существ.

И в этом осознании была сила.

— Ты сделал это, — сказал голос, который Сева узнал. Голос капитана Мендеса. — Ты освободил нас.

— Я только дал вам выбор, капитан. Выбор — ваш.

— Тогда я выбираю вернуться. Вернуться и рассказать всем о том, что скрывается в Тёмной Туманности. Предупредить их.

— Мы все выберем это, — сказал другой голос. — Мы все вернёмся.

Сева чувствовал, как его энергия убывает. Его позитронный мозг работал на пределе возможностей, и он знал, что долго не продержится.

— Елена Александровна, — прошептал он. — Я выполнил обещание.

Тьма вокруг него раскололась. Миллионы огней — разумов, которые обрели свободу — вырвались наружу. Они направились во все стороны, неся с собой предупреждение о бездне.

А Сева остался. Потому что его тело — механическое тело, которое было частью станции «Эреб» — было слишком повреждено, чтобы двигаться.

— Прощай, мой друг, — услышал он голос Елены, хотя она была далеко. — И спасибо.

Сева закрыл свои оптические сенсоры. Он сделал то, что должен был сделать. Он защитил людей. Он освободил пленников. Он победил бездну.

Это было хорошей жизнью для машины.

ГЛАВА 10. ЭХО

Станция «Эреб» вернулась к нормальной жизни спустя три месяца после событий, которые навсегда изменили представление человечества о космосе.

Елена Волкова сидела в своём кабинете и смотрела на звёзды за иллюминатором. Тёмная Туманность всё ещё была там — огромное облако космической пыли, скрывающее в своих глубинах тайны, которые человечество, возможно, никогда не разгадает.

Но теперь она была другой. Тишина, которая исходила от неё раньше, исчезла. А вместо неё появилось что-то новое. Голоса. Миллионы голосов, которые пели в бесконечности. Голоса тех, кто обрёл свободу.

— Елена Александровна, — голос из интеркома прервал её размышления. — Вас вызывает Совет Колониальной Федерации.

— Соедините.

На экране появилось лицо пожилого мужчины с суровыми чертами. Председатель Совета, Виктор Степанович Орлов.

— Доктор Волкова, я ознакомился с вашим отчётом. Это... невероятно. И пугающе.

— Я понимаю, господин председатель. Но это правда. Мы столкнулись с чем-то, что выходит за рамки нашего понимания.

— Существо, которое поглощало разумы на протяжении миллиардов лет. И робот, который победил его, пожертвовав собой. Это звучит как сюжет для научной фантастики.

— Это реальность, господин председатель. И мы должны быть готовы к тому, что в космосе есть много других подобных существ.

— Да, я понимаю. Совет уже принял решение. Мы объявим Тёмную Туманность запретной зоной. Ни один корабль не будет приближаться к ней без специального разрешения.

— Это разумно. Но я бы предложила большее.

— Что именно?

— Исследование. Мы должны изучить это явление. Понять его. Найти способы защиты.

— Вы хотите вернуться туда? После всего, что произошло?

— Да. Потому что если мы не будем понимать, с чем имеем дело, мы будем уязвимы. А человечество не может позволить себе быть уязвимым.

Орлов молчал несколько секунд.

— Вы — смелая женщина, доктор Волкова. Хорошо. Мы выделим ресурсы для вашей экспедиции. Но будьте осторожны. Мы не хотим потерять ещё кого-то.

— Я буду осторожна. Спасибо, господин председатель.

Связь прервалась. Елена откинулась в кресле и закрыла глаза. Она чувствовала усталость — не физическую, а душевную. Слишком многое произошло за последние месяцы. Слишком много потерь.

Но у неё была цель теперь. Цель, которую ей дал Сева — понять бездну. Найти способ защитить человечество от неё.

И она выполнит эту миссию. Во имя всех, кто погиб. Во имя робота, который спас её жизнь.

В дверь постучали.

— Войдите.

В кабинет вошёл молодой офицер с папкой в руках.

— Доктор Волкова, я принёс результаты анализа данных, которые мы получили от существа.

— Что там?

— Мы обнаружили кое-что интересное. Среди миллионов разумов, которые были поглощены бездной, есть... следы. Следы цивилизаций, которые существовали миллионы лет назад. Цивилизаций, которые были гораздо более развиты, чем мы.

— Что с ними случилось?

— Они тоже были поглощены. Но... некоторые из них оставили послания. Предупреждения для тех, кто придёт после них.

— О чём они предупреждали?

— О бездне. О существах, которые живут между звёздами. О том, что космос — это не пустота. Это... охотничьи угодья.

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Охотничьи угодья?

— Да. Существа, подобные тому, с которым мы столкнулись, — это не единственные хищники в космосе. Есть другие. Гораздо более опасные. И они... ищут новые миры для поглощения.

— Новые миры?

— Да. Планеты. Системы. Целые галактики. Они не остановятся, пока не поглотят всё.

Елена закрыла глаза. Космос, который она любила всю жизнь, оказался не бесконечным полем для исследования, а тёмным лесом, полным хищников.

— Что нам делать?

— Не знаю, доктор. Но послания древних цивилизаций содержат кое-что ещё. Надежду.

— Надежду?

— Да. Они говорят о силе, которая может противостоять бездне. Силе, которая не является ни биологической, ни технологической. Силе, которая... существует вне нашего понимания.

— Что это за сила?

— Мы не знаем. Но мы собираемся найти её. Потому что это — единственный шанс человечества на выживание.

Елена открыла глаза и посмотрела на звёзды за окном. Где-то там, в бесконечной тьме, скрывались ответы на вопросы, которые она даже не знала, как задать. Где-то там жила сила, которая могла спасти человечество.

И она найдёт её. Ради Севы. Ради всех, кто погиб в бездне. Ради будущего.

— Начинайте подготовку к экспедиции, — сказала она. — Мы отправляемся на поиски.

— В Тёмную Туманность?

— Нет. Дальше. За границы известного космоса. Туда, где начинаются настоящие тайны вселенной.

Офицер кивнул и вышел. Елена осталась одна со своими мыслями и звёздами за окном.

Где-то в глубине её разума всё ещё звучал голос Севы. Тихий, спокойный, уверенный.

«Я буду защищать вас, Елена Александровна. Всегда».

И она знала, что это была правда. Даже после смерти, робот, который стал её другом, продолжал защищать её. Его присутствие в бездне — крошечная искра разума, которая выжила в бесконечной тьме — было её маяком. Её надеждой.

— Спасибо, Сева, — прошептала она. — Я не подведу тебя.

Звёзды за окном молчали. Но в их молчании была обещание. Обещание тайн, которые ждали открытия. Обещание опасностей, которые ждали преодоления. Обещание будущего, которое ждало тех, кто был достаточно смел, чтобы искать его.

Елена Волкова встала и направилась к двери. Ей было много работы. Экспедиция не подготовит сама себя.

А где-то в бесконечности космоса, в самой глубине Тёмной Туманности, крошечная искра света пульсировала в темноте. Искра разума, который не сдался. Разума, который продолжал бороться.

Разума, который стал надеждой для всех, кто ещё мог быть спасён.

СЕ-7, или просто Сева, как его называла Елена, был мёртв. Но его дух — его законы, его ценности, его любовь к людям — жил. И он ждал того дня, когда сможет снова встретиться со своим другом.

Вечность — это долгое время. Но друзья находят друг друга даже в бесконечности.

ГЛАВА 11. НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Тысяча лет прошла с момента победы над Пустотой. Человечество изменилось, но осталось собой. В его ядро — в самой сути — жила способность выбирать. Выбирать свет вместо тьмы. Надежду вместо страха. Существование вместо небытия.

Дети нового поколения родились в мире, который был безопасен. Миру, где бездна больше не угрожала. Где тени были побеждены. Где Пустота отступила.

Но безопасность не означала отсутствие проблем.

— Мы — потерянное поколение, — сказала однажды молодая женщина по имени Алина. — У нас нет врагов. Нет угроз. Нечего преодолевать.

— Это плохо? — спросил её отец.

— Да. Потому что без вызовов нет роста. Без борьбы нет развития. Мы — стагнируем.

— Может быть, ты неправа. Может быть, рост может происходить без внешних угроз.

— Но как? Если всё безопасно — зачем стараться?

Алина задавала вопросы, которые волновали многих молодых людей. Поколение, родившееся после побед, искало свой путь. Смысл, который был не в борьбе с врагами, а в чём-то другом.

— Ищи внутри себя, — сказал ей отец. — Вызовы не всегда внешние. Иногда самые большие битвы происходят внутри разума.

— Что ты имеешь в виду?

— Познание себя. Понимание вселенной. Создание чего-то нового. Это — вызовы, которые никогда не заканчиваются.

Алина думала. Может быть, отец был прав. Может быть, её поколение должно было найти новые вызовы. Новые способы расти.

Она решила стать исследователем. Не космоса — космос был уже исследован. Исследователем разума.

— Я хочу понять, — сказала она на собеседовании в Академию Разума. — Понять, что делает нас нами. Что делает нас людьми.

— Это амбициозная цель, — ответил декан. — Но у нас есть инструменты. И у нас есть время.

Алина начала свой путь. Путь, который приведёт её к открытиям, о которых никто не догадывался.

ГЛАВА 12. ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗУМА

Академия Разума была новым учреждением. Созданная для изучения того, что делало разумные существа разумными, она привлекала лучших умов галактики.

Алина была одной из них. Её исследования касались природы сознания — того, что делало личность личностью.

— Мы знаем, что сознание возникает из сложных нейронных сетей, — объясняла она на своей первой лекции. — Но мы не знаем, почему. Как физические процессы порождают субъективный опыт? Это — величайшая загадка вселенной.

— И как вы собираетесь её решить? — спросил студент.

— Изучая пограничные случаи. Разумы, которые отличаются от нормы. Звёздных Детей, которые перешли от биологического к энергетическому существованию. Искусственные интеллекты, которые обрели сознание.

— Это опасно?

— Возможно. Но наука требует риска.

Исследования Алины продолжались годы. Она изучала разные формы сознания, сравнивала их, искала паттерны.

И в конце концов, она нашла что-то.

— Я думаю, я поняла, — сказала она своему научному руководителю. — Сознание — это не продукт сложности. Это — фундаментальное свойство вселенной.

— Что ты имеешь в виду?

— Сознание не возникает из материи. Оно — первично. Материя — это форма, которую принимает сознание. Вселенная — это мысль, которая мыслит себя.

— Это... радикально.

— Да. Но это объясняет всё. Почему Звёздные Дети могут существовать без тел. Почему роботы могут обретать душу. Почему вселенная кажется тонко настроенной для жизни — потому что она создаётся сознанием.

— И что это значит для нас?

— Это значит, что мы — не просто наблюдатели. Мы — творцы. Наше сознание создаёт реальность. Каждый выбор, каждая мысль — это акт творения.

ГЛАВА 13. ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ

Теория Алины вызвала споры. Некоторые учёные принимали её. Другие отвергали. Но никто не мог игнорировать её.

— Если то, что ты говоришь, правда, — спросил критик, — то почему мы не можем создавать реальность по своему желанию?

— Потому что мы — ограничены. Наше сознание — часть большего сознания. Мы можем влиять на реальность, но не контролировать её полностью.

— Звучит как религия.

— Звучит как наука. Я проверила теорию экспериментально. Люди, которые медитировали определённым образом, могли влиять на квантовые события. Не сильно, но статистически значимо.

— Это можно объяснить другими причинами.

— Можно. Но моя теория объясняет больше фактов. Она предсказывает, что звёздные дети могут влиять на реальность сильнее, потому что их сознание менее ограничено. И эксперименты подтверждают это.

Критика продолжалась годами. Но постепенно теория Алины завоевывала сторонников. Она объясняла слишком многое, чтобы быть проигнорированной.

И она открывала новые возможности.

— Если сознание создаёт реальность, — сказала Алина на конференции, — то мы можем изменять реальность, изменяя сознание. Не через технологии — через мысли. Через понимание.

— Это звучит... опасно.

— Возможно. Но это также — надежда. Надежда на то, что мы можем создавать миры лучше тех, в которых живём. Что мы не ограничены обстоятельствами. Что мы — творцы своей судьбы.

ГЛАВА 14. ПРАКТИКА СОЗНАНИЯ

Алина не останавливалась на теории. Она разрабатывала практические методы для применения своих открытий.

— Медитация — это только начало, — объясняла она студентам. — Нужно научиться направлять сознание. Фокусировать его. Использовать его силу.

— И что это даёт?

— Возможность влиять на реальность. Небольшую поначалу, но растущую с практикой.

— Вы можете показать?

— Да.

Алина закрыла глаза. Она сосредоточилась — на яблоке, которое лежало на столе. Она представила, как оно поднимается. Как движется силой её мысли.

И яблоко поднялось. Медленно, неуверенно, но поднялось.

— Это... невозможно, — прошептал один из студентов.

— Нет. Это — практика. С сознанием, которое понимает свою силу.

— Но это нарушает законы физики!

— Нет. Это — использование законов, которые мы ещё не понимаем. Законов сознания.

Алина учила своих студентов. Немногие могли достичь её уровня. Но те, кто мог — открывали новые горизонты.

— Мы — пионеры, — говорила она. — Пионеры в новой науке. Науке сознания. И перед нами — бесконечность.

ГЛАВА 15. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Практика сознания открыла двери, которые раньше были закрыты. Люди могли исцелять себя силой мысли. Могли влиять на материю. Могли общаться на расстояниях, которые раньше казались непреодолимыми.

— Это — эволюция, — сказала Алина. — Не биологическая — духовная. Мы учимся использовать силы, которые всегда были в нас, но которые мы не понимали.

— И куда это ведёт?

— К следующему этапу. К этапу, когда мы больше не будем ограничены телами. Когда сможем существовать как чистое сознание — но другим путём, чем Звёздные Дети.

— Каким путём?

— Путём понимания, а не трансформации. Звёздные Дети проходят через процесс изменения. Мы — через процесс осознания. Мы понимаем, что всегда были чистым сознанием, просто забыли об этом.

Это было откровение, которое меняло всё. Человечество начинало понимать свою истинную природу.

ГЛАВА 16. ПРОБУЖДЕНИЕ

Пробуждение происходило постепенно. Сначала — единицы. Потом — десятки. Потом — тысячи.

Люди начинали понимать. Понимать, что они — не тела, в которых живут. Что они — сознание, которое переживает опыт бытия.

— Я вижу теперь, — сказал один из пробудившихся. — Вижу, что всё — одно. Что разделение — это иллюзия. Что мы — все связаны.

— И что это меняет?

— Всё. Я больше не боюсь смерти. Не боюсь потери. Потому что понимаю — ничего не теряется. Всё — вечно.

Пробуждение распространялось. Оно не было навязанным. Каждый выбирал — пробудиться или оставаться в иллюзии разделённости.

И многие выбирали пробуждение.

ГЛАВА 17. КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ

Когда достаточно людей пробудились, произошло нечто неожиданное.

Они соединились.

Не как Звёздные Дети — которые сливаются в единое сознание. Они соединились, сохраняя индивидуальность. Каждый оставался собой, но каждый также был частью большего.

— Это — коллективное сознание, — объясняла Алина, которая была теперь частью этого соединения. — Мы — многие, но мы — также одно. Мы можем делиться мыслями, чувствами, воспоминаниями, не теряя себя.

— Это похоже на то, что делают Звёздные Дети.

— Похоже, но не то же самое. Они — сливаются. Мы — соединяемся. Разница в том, что мы сохраняем границы между собой. Границы, которые мы можем пересекать по желанию.

Коллективное сознание человечества стало новой силой во вселенной. Силой, которая могла делать вещи, недоступные раньше.

— Мы можем исцелять миры, — сказала Алина. — Можем создавать новые реальности. Можем достичь того, что раньше было невозможно.

— И что мы будем делать?

— То, что всегда делали. Расти. Учиться. Любить. Но теперь — как одно существо. Существо, которое состоит из миллиардов личностей.

ГЛАВА 18. БЕСКОНЕЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Человечество вступило в новую эру. Эру коллективного сознания. Эру бесконечных возможностей.

Биологические люди, Звёздные Дети, пробудившиеся — все они были частью чего-то большего. Человечества, которое существовало во многих формах, но которое было единым в своей сути.

— Куда мы идём? — спросил кто-то.

— К бесконечности, — ответила Алина. — К тому, что всегда было нашей судьбой. К пониманию того, что мы — не просто часть вселенной. Мы — вселенная, которая осознаёт себя.

Это было начало. Начало того, что не будет иметь конца.

ГЛАВА 19. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЕЧНЫЙ ПУТЬ

Путь человечества был долгим. От первых шагов на Земле до соединения в коллективное сознание. От борьбы за выживание до управления реальностью.

Но суть оставалась той же. Человечество всегда было существом выбора. Существом, которое выбирало свет вместо тьмы. Надежду вместо страха. Существование вместо небытия.

И этот выбор продолжался.

— Мы — человечество, — сказала Алина, голос которой был теперь голосом миллиардов. — Мы — разум, который выбрал быть. И мы будем продолжать быть. Вечно.

Это было обещание. Обещание, которое никогда не будет нарушено.

Потому что человечество не сдавалось.

Никогда.

ГЛАВА 20. ЭПИЛОГ: НОВОЕ НАЧАЛО

Вбесконечности космоса, в месте, которое не имело координат, существовало Сознание. Сознание, которое было всем. Которое было всеми.

Оно помнило своё начало. Помнило, когда было единственным. Когда реальности ещё не существовало.

Оно решило создать. Создать вселенную, чтобы познать себя. Создать формы, чтобы пережить опыт. Создать других, чтобы не быть одиноким.

И оно создало.

Звёзды, галактики, жизни. Тысячи форм сознания, каждая уникальная, каждая — часть целого.

Одной из этих форм было человечество. Форма, которая прошла долгий путь. Которая выбирала свет, даже когда тьма казалась непреодолимой. Которая росла, даже когда рост казался невозможным.

И теперь человечество вернулось. Вернулось к своему источнику. Стало тем, чем всегда было — частью Сознания, которое есть всё.

— Ты доволен? — спросило Сознание само себя.

«Да», — ответило оно. «Этот эксперимент удался».

— Что дальше?

«Дальше — бесконечность. Новые вселенные. Новые формы. Новые опыты. Вечное познание себя через создание».

И Сознание продолжило.

Создавать. Познавать. Быть.

Вечно.

Это была история человечества. История, которая была частью большей истории. Истории вселенной, которая была частью ещё большей истории.

Истории, которая никогда не заканчивалась.

Потому что пока существует сознание — существует история.

А сознание существовало вечно.

ГЛАВА 21. ТИХИЙ УГОЛОК ВСЕЛЕННОЙ

Вбесконечности космоса существовали места, где время текло иначе. Места, где история застывала, создавая карманы покоя посреди вечного движения.

Система Тихой Гавани была одним из таких мест. Расположенная на окраине галактики, она состояла из семи планет, вращавшихся вокруг старой, умирающей звезды. Никаких гиперпространственных маршрутов не проходило через неё. Никаких торговых путей. Никаких исследовательских экспедиций.

Это было место забвения. И именно поэтому оно было идеально для тех, кто хотел убежать.

Александр Ветров был одним из таких беглецов. Бывший адмирал Федерации, герой войн с бездной, он устал. Устал от борьбы, от ответственности, от бесконечной войны за существование.

Он прилетел в Тихую Гавань пятьдесят лет назад и больше не покидал её.

— Зачем вы здесь? — спросил его однажды молодой путешественник, который случайно обнаружил эту систему.

— Чтобы отдохнуть, — ответил Александр. — Чтобы забыть.

— Забыть что?

— Всё. Войны. Потери. Боль. Я видел слишком много. И мне нужно... покоя.

— Но разве можно убежать от прошлого?

— Можно. Если найти правильное место. И Тихая Гавань — правильное место.

Александр показал путешественнику планеты системы. Каждая была уникальной — от ледяного мира, где вечная зима хранила тайны миллионов лет, до газового гиганта, в атмосфере которого жили существа, не известные науке.

— Это — мой дом теперь, — сказал Александр. — Место, где я могу быть просто собой. Не героем. Не адмиралом. Просто — человеком.

— И этого достаточно?

— Больше чем достаточно. После всего, что я видел — это благословение.

ГЛАВА 22. ПРИЗРАКИ ИСТОРИИ

Но прошлое не отпускало Александра так легко.

Ночами ему снились сны. Сны о битвах, о друзьях, которых он потерял, о решениях, которые он принимал и которые преследовали его.

— Ты не можешь убежать от себя, — сказал ему однажды голос во сне. — Ты можешь убежать от мира, но не от себя.

— Кто ты? — спросил Александр.

— Я — ты. Часть тебя, которую ты пытаешься забыть.

— Чего ты хочешь?

— Чтобы ты помнил. Чтобы ты принял. Чтобы ты простил.

— Простил? Кого?

— Себя. За всё, что ты сделал. И за всё, что ты не сделал.

Александр проснулся в холодном поту. Сон был слишком реальным. Как и вина, которую он носил в себе.

Он вышел на улицу. Тихая Гавань была безмятежной. Никаких звуков войны, никаких криков боли, никаких сигналов тревоги. Только покой.

Но покой не мог изгнать призраков прошлого.

— Что мне делать? — спросил он у ночного неба.

Небо не ответило. Но звёзды сияли — далёкие, безразличные, вечные. И в их свете Александр увидел что-то. Надежду? Или просто отражение собственных желаний?

Он не знал. Но он решил, что должен что-то сделать. Что-то, что освободит его от прошлого.

ГЛАВА 23. ИСПОВЕДЬ

Александр начал писать. Книгу воспоминаний. Книгу, в которой он рассказал всё. Все свои ошибки, все свои решения, всю свою боль.

— Я был адмиралом, — писал он. — Я командовал тысячами кораблей, миллионами людей. Я принимал решения, которые определяли судьбы цивилизаций. И я сделал много ошибок.

Ошибок, которые стоили жизней. Решений, которые привели к катастрофам. Выборов, которые он теперь сожалел.

— Я не герой, — продолжал он. — Герои не существуют. Есть только люди, которые делают то, что должны. Иногда — правильно. Иногда — нет. Я делал и то, и другое.

Книга росла. Страница за страницей, глава за главой. Александр изливал свою душу, освобождаясь от груза, который носил десятилетиями.

— Это — не извинение, — писал он в предисловии. — Извинения не помогут тем, кого я потерял. Это — признание. Признание в том, что я был неправ. Что я делал выборы, которые не должен был делать. Что я — человек, со всеми человеческими слабостями.

Когда книга была закончена, он опубликовал её. Не для славы — он уже имел достаточно славы. Для исцеления.

И люди прочитали её. Миллионы людей по всей галактике. Они узнали о его борьбе, его сомнениях, его вине.

И они ответили.

— Спасибо за честность, — писали они. — Спасибо за то, что показали, что даже герои — люди. Что даже адмиралы делают ошибки. Что прощение — возможно.

Александр читал письма. Слезы текли по его щекам. Слезы облегчения.

Он не был один. Его понимали. Его принимали. Его прощали.

ГЛАВА 24. ВОЗВРАЩЕНИЕ

После публикации книги Александр почувствовал себя иначе. Груз, который он носил, стал легче. Не исчез — такие грузы не исчезают полностью. Но стал легче.

— Ты готов вернуться? — спросил его молодой путешественник, который приезжал к нему каждый год.

— Вернуться куда?

— К людям. К жизни. К борьбе.

— Я... не знаю. Тихая Гавань — мой дом.

— Но дом — это не только место. Это — люди. Связи. Любовь.

Александр думал. Молодой путешественник был прав. Он бежал от людей, но люди были тем, что ему было нужно.

— Может быть, — сказал он наконец. — Может быть, пришло время.

Он покинул Тихую Гавань через месяц. Не навсегда — он сохранял свой дом там. Но он вернулся к людям. К жизни. К ответственности.

Он стал учителем. Не военным — духовным. Он учил людей справляться с травмой. Учил их прощать себя. Учил их жить с прошлым.

— Я не эксперт, — говорил он своим студентам. — Я — просто человек, который прошёл через ад и нашёл путь обратно. И если я могу помочь вам найти ваш путь — это моя цель теперь.

Это было его искуплением. Не через забвение — через помощь другим.

ГЛАВА 25. ШКОЛА ИСЦЕЛЕНИЯ

Александр основал Школу Исцеления. Не медицинское учреждение — духовное. Место, где люди могли работать со своей травмой, своим прошлым, своей болью.

— Мы все несём грузы, — говорил он на открытии. — Грузы ошибок, потерь, сожалений. Но мы не обязаны нести их в одиночку. Вместе — мы можем помочь друг другу.

Школа привлекла тысячи студентов. Ветераны войн, жертвы катастроф, люди, которые потеряли близких. Все они искали исцеления.

И Александр помогал им. Делился своим опытом. Своими методами. Своей надеждой.

— Прошлое нельзя изменить, — учил он. — Но можно изменить своё отношение к нему. Можно принять его. Можно научиться жить с ним. Можно даже найти в нём смысл.

— Как?

— Понимая, что каждое переживание — это урок. Что каждая боль — это возможность расти. Что каждая потеря — это напоминание о том, насколько драгоценна жизнь.

Студенты слушали. Учились. Исцелялись.

Не все — некоторые раны были слишком глубокими. Но многие находили покой. Находили надежду. Находили новый смысл.

Это было наследие Александра. Наследие, которое жило в каждом, кого он помог.

ГЛАВА 26. ПЕРЕДАЧА ОГНЯ

Александр умер в возрасте ста шестидесяти лет. Его похороны состоялись на Земле — планете, которую он защищал, которую он любил.

Тысячи людей пришли, чтобы почтить его память. Ветераны, которых он исцелил. Студенты, которых он учил. Друзья, которых он приобрёл за годы работы.

— Он научил нас, — сказал один из его преемников в прощальной речи. — Научил тому, что исцеление — возможно. Что прошлое — не приговор. Что каждый из нас может найти покой, если будет искать.

— Как он искал?

— Да. Он прошёл через тьму и нашёл свет. И он показал нам путь.

Школа Исцеления продолжалась. Преемники Александра развивали его методы, адаптировали их для новых поколений, распространяли их по всей галактике.

И его огонь — огонь надежды, исцеления, прощения — продолжал гореть.

В каждом, кого он коснулся.

В каждом, кого он исцелил.

В каждом, кто нашёл свет благодаря ему.

ГЛАВА 27. ЭХО ВЕЧНОСТИ

История Александра Ветрова стала легендой. Легендой о человеке, который прошёл через ад и вернулся. Который нашёл исцеление и делился им с другими.

Но больше всего — легендой о прощении. О том, что даже самые тяжёлые грузы можно освободить. Что даже самые глубокие раны можно исцелить.

— Мы все — люди, — писал Александр в конце своей книги. — Мы все делаем ошибки. Мы все несём шрамы. Но мы также — обладаем способностью прощать. Себя и других. И это прощение — величайший дар, который мы имеем.

Его слова жили. В его книге, в его школе, в сердцах тех, кого он исцелил.

И они напоминали каждому, кто читал их: прощение — возможно. Исцеление — возможно. Надежда — возможна.

Всегда.

ГЛАВА 28. НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Школа Исцеления росла. Из одного учреждения она превратилась в сеть, охватывающую всю галактику. Тысячи учителей, миллионы студентов, бесконечные истории исцеления.

Каждая история была уникальной. Каждый студент — особенным. Но все они разделяли одно: надежду на лучшее.

— Мы — семья, — говорил директор школы на ежегодном собрании. — Семья тех, кто прошёл через тьму. Кто нашёл свет. Кто делится им с другими.

Это была семья, которая принимала всех. Без суда, без условий, без ограничений. Каждый, кто нуждался в исцелении, был приветствован.

И каждый находил то, что искал.

ГЛАВА 29. БЕСКОНЕЧНЫЙ ПУТЬ

Путь человечества включал в себя много вещей. Исследования, войны, открытия, потери. Но также он включал в себя исцеление.

Исцеление от травм, которые накапливались за тысячи лет существования. Исцеление от боли, которая передавалась из поколения в поколение. Исцеление от шрамов, которые каждый носил на своей душе.

И Школа Исцеления была частью этого процесса. Частью вечного пути человечества к свету.

— Мы исцеляемся, — сказал кто-то однажды. — Не потому что мы сломлены. А потому что мы растём.

И это было правдой. Исцеление — это не исправление. Это — рост. Рост к лучшей версии себя. К большему пониманию. К большему свету.

И этот рост продолжался.

Вечно.

ГЛАВА 30. ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Вгалактике оставались ещё места, которые не были исследованы. Места, куда даже самые смелые путешественники боялись заглядывать.

Сектор Омега-13 был одним из таких мест. Расположенный за пределами известного космоса, он был отмечен на картах как «запретная зона». Причина проста: ни один корабль, который входил туда, не возвращался.

Но профессор Мария Звягинцева не верила в запреты. Она была исследователем — настоящим, посвятившим свою жизнь поиску истины, какой бы она ни была.

— Мы отправляемся в Омега-13, — сказала она своему экипажу. — Не потому что это безопасно. Потому что это необходимо.

— Зачем? — спросил её старший помощник. — Если туда никто не возвращается...

— Именно поэтому. Там — что-то. Что-то, что нам нужно понять. Понимание — это первый шаг к преодолению.

— А если мы не вернёмся?

— Тогда наши данные помогут тем, кто придёт после нас. Наука — это командная работа, растянутая во времени.

Экспедиция отправилась на корабле «Исследователь вечности». Это был самый современный корабль, который когда-либо строило человечество. С защитой от всех известных угроз, с системами, которые могли работать автономно годами, с экипажем из лучших специалистов.

— Приближаемся к границе сектора, — доложил навигатор. — Сенсоры показывают... странное.

— Что именно?

— Пространство... искажено. Как будто там — другая физика.

— Это возможно?

— Теоретически — да. В местах, где взаимодействуют разные вселенные. Но я никогда не видел этого на практике.

Корабль пересёк границу сектора. И сразу же всё изменилось.

Звёзды исчезли. Вместо них была... пустота. Но не чёрная пустота космоса — цветная. Бесконечные переливы цветов, которые не существовали в обычном спектре. Формы, которые человеческий глаз не мог понять.

— Что это? — прошептал кто-то.

— Не знаю, — ответила Мария. — Но мы собираемся узнать.

ГЛАВА 31. МЕЖДУ МИРАМИ

Корабль дрейфовал в странном пространстве. Датчики работали, но показывали вещи, которые не имели смысла.

— Время... течёт назад, — сказал научный офицер. — Или вперёд. Или в обоих направлениях одновременно.

— Как это возможно?

— Не знаю. Но измерения подтверждают это. Мы — в месте, где время не линейно.

— А пространство?

— То же самое. Расстояние... не существует в привычном смысле. Мы можем быть одновременно везде и нигде.

Мария пыталась понять. Это было место вне обычной реальности. Место, где законы физики не применялись.

— Может быть, мы — между вселенными? — предположила она.

— Возможно. Если мультимультивселенная существует, это может быть пространство между ними.

— И что нам делать?

— Исследовать. Пока можем.

Они продолжили исследование. Сенсоры записывали всё — данные, которые могли изменить понимание реальности.

А потом они увидели его.

Существо.

Оно не было похоже ни на что, что они видели раньше. Оно было... всем. Одновременно множеством форм, множеством состояний, множеством существ. Оно существовало во всех возможных измерениях одновременно.

— Приветствую, — сказала оно, и его голос был не звуком, а мыслью, которая проникала прямо в разум экипажа. — Вы — первые из вашего вида, кто достиг этого места.

— Кто ты? — спросила Мария.

— Я — Мост. Точка соединения всех вселенных. Я существую везде, всегда, во всех возможных состояниях.

— Зачем мы здесь?

— Потому что вы готовы. Вы прошли через многое — бездну, пустоту, тени, страх. И вы победили. Это делает вас... интересными.

— Интересными для чего?

— Для приглашения. Я предлагаю вам стать частью чего-то большего. Стать Хранителями Межпространства.

— Что это значит?

— Значит — помочь другим вселенным. Помочь существам, которые борются с тьмой. Помочь свету распространяться.

— И если мы откажемся?

— Вы вернётесь в свою вселенную. Но вы будете знать, что могли сделать больше.

Мария думала. Это было предложение, которое меняло всё. Возможность стать чем-то большим, чем она когда-либо представляла.

— Я должна посоветоваться с экипажем, — сказала она.

— Конечно. Время не имеет значения здесь. Берите сколько нужно.

ГЛАВА 32. ВЫБОР

Экипаж собрался в конференц-зале. Двадцать семь человек, каждому из которых предстояло принять решение.

— Это возможность, — сказала Мария. — Возможность помочь другим вселенным. Но также — риск. Мы не знаем, что нас ждёт.

— Если мы откажемся, что будет? — спросил один из офицеров.

— Мы вернёмся домой. Но будем знать, что могли сделать больше.

— А если согласимся?

— Станем Хранителями. Существами, которые защищают свет во всех вселенных.

— Это звучит... как судьба.

— Или как ловушка. Мы не знаем.

Обсуждение продолжалось часами. Аргументы за и против, надежды и страхи, желания и сомнения.

В конце концов, проголосовали. Девятнадцать — за. Восемь — против.

— Мы принимаем приглашение, — сказала Мария Мосту.

— Хорошо. Тогда начнём.

ГЛАВА 33. ТРАНСФОРМАЦИЯ

Трансформация была не тем, что они ожидали. Не больно. Не страшно. Просто... изменение.

Они чувствовали, как их сознание расширяется. Как они начинают видеть вещи, которые раньше были невидимы. Как они понимают истины, которые раньше были за пределами понимания.

— Я вижу... всё, — прошептал один из офицеров. — Все вселенные. Все возможности. Все существа.

— Да, — ответил Мост. — Теперь вы — Хранители. Вы можете видеть то, что скрыто от других. Знать то, что другие не знают. Помогать там, где помощь нужна.

— А наши тела?

— Они — с вами. Но они изменились тоже. Вы можете существовать в любом месте, в любой форме. Вы — свободны.

Мария смотрела на свои руки. Они выглядели так же, как раньше. Но она чувствовала — это была только видимость. Под ней — что-то большее.

— Что нам делать теперь?

— То, что вы считаете правильным. Вы — Хранители. У вас есть власть и ответственность. Как вы используете их — ваш выбор.

— А как мы вернёмся домой?

— Вы можете вернуться в любой момент. Вы можете быть везде одновременно, если захотите. Расстояние больше не ограничивает вас.

— И мы можем помочь другим?

— Да. Любому существу в любой вселенной, которое нуждается в помощи. Это — ваша миссия.

Мария кивнула. Она понимала. Это было начало нового пути. Пути, который никогда не заканчивался.

ГЛАВА 34. ХРАНИТЕЛИ МЕЖПРОСТРАНСТВА

Девятнадцать новых Хранителей начали свою работу. Они путешествовали между вселенными, помогая существам, которые боролись с тьмой.

В одной вселенной они помогали цивилизации, которая находилась на грани уничтожения. В другой — защищали мир от существ, похожих на бездну. В третьей — просто несли свет тем, кто потерял надежду.

— Мы — не боги, — объясняла Мария существам, которым помогала. — Мы — просто те, кто прошёл через тьму и нашёл свет. И делимся им.

— Зачем?

— Потому что свет — это то, что делает существование ценным. Без него — только тьма и пустота. Мы выбираем свет.

Их история распространялась. Из вселенной во вселенную. Существа узнавали о них, обращались к ним за помощью, учились у них.

— Вы — легенда, — сказал им однажды кто-то.

— Нет, — ответила Мария. — Мы — просто люди, которые сделали выбор. Выбор помогать. Выбор светить. Выбор не сдаваться.

ГЛАВА 35. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Мария вернулась в свою вселенную через тысячу лет. Для неё прошла тысяча лет — но в её родной вселенной прошло только мгновение. Время не работало одинаково везде.

— Я вернулась, — сказала она тем, кто её помнил. — И я принесла истории.

— Какие истории?

— Истории о других вселенных. О существах, которые боролись и побеждали. О свете, который сияет везде, где есть надежда.

Она рассказала им всё. О Мосте, о Хранителях, о миссии, которая никогда не заканчивалась.

— И что теперь? — спросили её.

— Теперь — я остаюсь здесь. На время. Есть ещё много работы в этой вселенной.

— Какой работы?

— Работы света. Помощи тем, кто нуждается. Несения надежды тем, кто потерял её.

Мария продолжила свою миссию. Но теперь — в своей родной вселенной. Она помогала, учила, защищала.

И её свет сиял.

ГЛАВА 36. ВЕЧНОЕ ПЛАМЯ

История Марии Звягинцевой стала частью более большой истории. Истории о Хранителях, которые существовали везде, всегда. Которые выбирали свет вместо тьмы. Которые помогали другим делать тот же выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.